

К ВОПРОСУ О РУССКОЙ ГОРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Доц. Е. Л. Гороховский

Вопрос о роли главнейших отраслей горной промышленности и тесно связанной с ней черной металлургии в первой мировой войне представляет собой несомненный интерес.

Между тем, в горно-экономической литературе именно этот период освещался меньше других.

Задача настоящей статьи показать действительную роль основных отраслей горной промышленности в военной экономике дореволюционной России. В ней рассматриваются — в той мере, в какой это позволяют размеры статьи, — вопрос о развитии горной промышленности до первой мировой войны, затем в годы самой войны, роль монополий и иностранного капитала, военно-промышленных комитетов, материальное положение горнорабочих.

Разумеется, эти вопросы могут быть правильно освещены, лишь будучи взяты не изолированно, а в самой тесной связи с общеэкономическим состоянием России, с социально-политической обстановкой, одним словом, со всей совокупностью условий исторического развития страны.

Русская горная промышленность до первой мировой войны

Несмотря на то, что железорудные месторождения имелись во многих областях страны, их промышленная разработка осуществлялась лишь в некоторых наиболее богатых районах Юга, Урала, Центральной и Северной России, Польши, Кавказа, Сибири.

Подсчеты директора Геологического комитета проф. К. И. Богдановича, определявшие запасы железных руд в европейской России в 2 млрд. т, или 120 млрд. пудов (с содержанием в них железа около 50 млрд. пудов), не отражали действительных запасов этого важнейшего полезного ископаемого и свидетельствовали, прежде всего, об отсталости геологоразведочной службы в царской России.

В целом медленное развитие металлургии в стране предопределяло и масштабы добычи железных руд. Относительно быстрый рост имел место со второй половины 80-х годов прошлого столетия, т. е. с момента усиленной разработки криворожских месторождений.

В 1893 г. Юг дал 39,6 млн. пудов, а в 1913 г. 420,1 млн. пудов железной руды. Южный железорудный район стал снабжать рудой не только отечественную металлургию, но и вывозить в значительных количествах ее за границу.

Изменение удельного веса отдельных районов в общем имперской добыче железных руд в течение нескольких десятилетий, предшествовавших первой мировой войне [1, стр. 168], представлено в табл. 1.

Т а б л и ц а

Добыча железных руд,

	Юг России	Ура.	Польша	Центральная Россия	Прочие районы
1870	2,9	61,9	14,4	18,8	2,0
1900	57,2	27,6	8,0	6,4	0,8
1913	72,2	18,9	3,2	5,5	0,2

Табл. 1 ясно обнаруживает перемещение центра добычи железных руд с Урала на Юг, занявшего с 1897 г. решающее место в общероссийской добыче.

В Криворожском бассейне в 1913 г. имелось 85 рудников, принадлежавших 45 предприятиям, причем разрабатывалось только 49 рудников.

Площадь, занятая под рудниками, в меньшей своей части принадлежала самим железорудным предприятиям (4440 десятин), а большая часть ее (7525 десятин) была заарендована ими у посторонних лиц. Арендная плата колебалась от $\frac{1}{4}$ до $2\frac{3}{4}$ коп. за пуд добытой руды.

Использование крупным капиталом формы акционерных обществ нашло широкое распространение на юге страны. На акционерные предприятия приходилось 90% добычи всей криворожской руды, а остальные 10% — на единоличные, причем около $\frac{2}{3}$ общей добычи бассейна поступало от разработки участков, арендованных у частных лиц, и только $\frac{1}{3}$ — от добычи руд на землях, принадлежащих владельцам рудников.

Как известно из ленинской теории империализма, монополистический капитал отличается стремлением к захвату сырьевых источников, чтобы поставить в выгодное, привилегированное положение свои предприятия и в зависимое положение своих конкурентов. С этой точки зрения уместно напомнить, что большинство южных рудников принадлежало металлургическим заводам: $\frac{3}{4}$ общей добычи криворожских руд приходилось на эту группу рудников и лишь $\frac{1}{4}$ общей производительности бассейна падала на „самостоятельные“ железорудные предприятия.

Из 387,8 млн. пудов руды, добытой в 1913 г. на 49 рудниках Криворожского бассейна, 287,2 млн. пудов было получено на 31 руднике, принадлежавшем 12 металлургическим заводам (Акционерное общество брянских заводов, Южно-Русское Днепровское металлургическое общество, Русско-Бельгийское металлургическое общество, Акционерное общество криворожских железных руд, Донецкое общество железного и стального производства, Донецко-Юрьевское металлургическое общество, Общество „Русский Провиданс“, Краматорское металлургическое общество и др.). Некоторые металлурги-

ческие предприятия, имевшие собственные железные рудники, не только полностью удовлетворяли свою потребность в руде, но и вели продажу на сторону.

Криворожская руда потреблялась, главным образом, доменными заводами Юга (91,8% внутреннего потребления). Вывоз криворожской руды за границу производился, главным образом, через Николаевский порт (в 1913 г. 28 674 тыс. пудов), причем, свыше 90% вывезенной руды шло на удовлетворение нужд германской металлургии.

По данным отчетов харьковской каменноугольной и железоторговой биржи цены на железную руду Кривого Рога (франко ст. отправления) непрерывно повышались в предвоенный период (табл. 2, [1, стр. 182]).

Т а б л и ц а 2

Цена пуда железной руды, коп.

	62% железа	
1910	5 ³ / ₄ — 6 ³ / ₄	5 ¹ / ₄ — 6 ¹ / ₄
1911	6 ¹ / ₂ — 8	5 ³ / ₄ — 7 ³ / ₄
1912	7 ¹ / ₂ — 9	7 — 8 ¹ / ₂
1913	9 — 10	8 — 9
1914	7 ¹ / ₂ — 10	7 — 9

Железные руды Керченского района разрабатывались открытым способом. Правильность залегания, мощность пластов, огромные запасы руды, близость к морю — все это обеспечивало удобства разработки и относительную дешевизну транспортирования.

Разработка керченских руд началась в 1894 г., если не считать построенной в 1846 г. первой опытной доменной печи для плавки фосфористых руд на привозном антраците, а в начале XX столетия здесь был построен доменный завод для плавки местных руд, закрытый вследствие убыточности в 1903 г. (уголь как для производства кокса, так и для энергетических целей доставлялся из Донбасса), что вызвало быстрое сокращение добычи керченских руд.

С 1908 г. добыча керченских руд вновь стала развиваться, достигнув в 1913 г. 29,5 млн. пудов. В этот период здесь работало два предприятия — Общество „Русский Провиданс“ и Таганрогское металлургическое общество, использовавшее керченскую руду на своих заводах. Цена керченской руды на месте добычи определялась в 5 копеек за пуд.

Добыча железных руд на Урале — старом промышленном районе России — производилась, главным образом, открытыми работами. Слабое развитие железных дорог в этом районе наряду с другими причинами, как, например, плавка чугуна на древесном угле вплоть до начала XX века, отсталая техника — тормозили разработку богатейших месторождений железных руд.

Добыча железных руд в Центральной России составляла в 1914 г. 23—24 млн. пудов. Совершенно ничтожной в это время была добыча железных руд на севере России — 263 тыс. пудов, на Кавказе — 33 тыс. пудов и в Сибири — 73,2 тыс. пудов.

Развитие производства металлов в России было тесно связано с ростом металлургической промышленности на Юге и усиленным железнодорожным строительством. Чтобы обеспечить отечественное производство стальных рельсов, правительство пыталось поощрить частный капитал установлением попутной премии за выделку стальных рельсов из отечественного чугуна, выдачей правительственных заказов на рельсы, запрещением беспошлинного ввоза рельсов из-за границы и т. д. Эти поощрительные меры с открытием богатых залежей криво-рожских железных руд создали почву для привлечения частных капиталов и способствовали завоеванию Югом первенствующего положения в железнотделательной промышленности.

Сравнительно быстрое развитие выплавки чугуна на Юге повысило уровень общероссийской выплавки (табл. 3. [1, стр. 202]).

Таблица 3

	Выплавка чугуна, тыс. пудов	Ввоз из-за границы, тыс. пудов	Вывоз за границу, тыс. пудов	Внутреннее потребление, тыс. пудов
1883	29 407	14496	4	43 899
1913	282 960	1941	14	284 887
1914	264 134	2515	42	266 607

Само собой разумеется, что рост техники производства (переход с древесно-угольного чугуна на коксовый, замена холодного дутья горячим) увеличил производительность доменных печей (табл. 4 [1, стр. 203]).

Таблица 4

	Число доменных печей		Выплавка чугуна, млн. пуд.		
	на холодном дутье	на горячем дутье	на древесном угле	на минеральном топливе	всего
1884	91	107	28,3	2,8	31,1
1913	6	161	60,8	222,2	283,0

В течение нескольких десятилетий, предшествовавших войне 1914—1917 гг., Юг и Урал „поменялись местами“ в общероссийской выплавке чугуна: в 1870 г. на долю Юга приходилось 1,4%, а на долю Урала — 67,4% общей выплавки чугуна, а в 1913 г. на долю Юга — 67,0%, а на долю Урала — 19,7%.

Закономерный рост концентрации производства приводил к ликвидации технически отсталых заводов (Урал, Подмосковье), лишенных возможности конкурировать с технически более совершенными и мощными южными металлургическими заводами.

Развитие русской металлургии отставало от растущего спроса на металл внутри страны. Слабое развитие экономики страны находило свое выражение в том, что наряду с вывозом за границу значительных количеств железной и марганцевой руд Россия ввозила чугун из-за границы (главным образом из Германии) вплоть до первой

мировой войны, в особенности в те годы, когда разрешался льготный ввоз иностранного металла.

В 1912 г. ввоз чугуна составил 6 306 тыс. пудов
 1913 " " 1 941 " "
 1914 " " 2 515 " "

Кроме того, Россия ввозила железо, сталь и различные изделия из них.

Относительное участие отдельных районов в общем производстве железа и стали в 1914 г. было следующим [1, стр. 220], %:

Юг	60
Урал	16,9
Польша	7,2
Северный и Прибалтийские районы	6,8
Центральный район	9,1

С началом войны обозначился непрерывный рост цен на металлы. Цены на южный металл и изделия из него, по данным харьковской биржи, представлены в табл. 5. [1, стр. 224].

Т а б л и ц а 5

Наименование продуктов из желе:	Средние цены за пуд, руб.		
	1913 г.	1914 г.	1915 г.
Чугун литейный .	0,72	0,73	0,85
Чугун переделный	0,65	0,67	0,78
Сортовое железо	1,51	1,56	1,73
Двутавровые балки	1,52	1,58	1,71
Кровельное железо	2,18	2,22	2,42
Проволока	1,47	1,62	2,25
Рельсы железнодорожного типа	1,12	1,12	1,32

Аналогичен рост цен на продукты уральской металлургии.

Угольная промышленность относится к важнейшим отраслям горной промышленности. Несмотря на то, что многие месторождения каменного угля получили известность несколько столетий назад, их разработка осуществлялась крайне медленно.

Отсутствие железных дорог, являющихся крупнейшими потребителями угля и лучшими его распространителями, а также сосредоточение русской металлургии в районах, не имевших месторождений коксующихся углей (или, во всяком случае, где они не были известны) — все это длительное время тормозило развитие угольной промышленности. Однако в дальнейшем русская угольная промышленность развивается довольно быстро, обгоняя по скорости роста добычи другие страны. В то время как добыча в Англии за 25-летний период, предшествовавший войне 1914—1917 гг. увеличилась в $1\frac{1}{2}$ раза, в США — в 4 раза, в Германии — в 3 раза, в России добыча твердого минерального топлива за тот же период возросла почти в 6 раз, составив в 1890 г. 367,2 млн. пудов, а в 1913 г. — 2196 млн. пудов. Среднегодовая добыча 1904—1913 гг. превысила среднегодовую добычу предшествующего десятилетия (1894—1903) более чем на 96%.

Несмотря на неблагоприятные условия военного времени общая добыча всех угольных районов России в 1914 г. (2176 млн. пудов) особенно не сократилась по сравнению с предыдущим годом. Объясняется это тем, что общее сокращение добычи угля в Европейской России в течение второго полугодия 1914 г., по сравнению со вторым полугодием 1913 г., в связи с началом военных действий, выразившееся в количестве 190 млн. пудов, компенсировалось приростом добычи в первом полугодии того же 1914 г.

Распределение общей добычи угля между отдельными районами (в млн. пудов) представлено в табл. 6.

Таблица 6

	Донецкий бассейн	Домбровский бассейн	Урал	Подмосковный бассейн	Кавказ	Туркестан	Западная Сибирь	Восточная Сибирь	Всего
1913	1543,8	424,5	73,4	18,3	4,3	8,4	52,1	71,5	2196,3
1914	1683,8	236,0	84,2	18,6	4,1	8,4	53,0	88,4	2176,5

Составитель „Общего обзора главных отраслей горной и горно-заводской промышленности“ [1] не мог обойти молчанием факт хищнической нерациональной эксплуатации угольных месторождений Донецкого бассейна, связанной с господством частной собственности и выплатой земельной ренты владельцам поверхности, хотя и пользуется сознательно смягченными формулировками.

„Здесь же уместно отметить, — пишет он, — что на правильности эксплуатации Донецкого бассейна неблагоприятно отзывается несоответствие поверхностных очертаний разрабатываемых участков их геологическому строению, являющееся результатом принадлежности недр владельцам поверхности. Во многих случаях, вследствие указанного обстоятельства, добыча угля настолько удорожается, что разработка некоторых участков пласта, изуродованного граничными межами, становится прямо невыгодной и часть запасов угля остается неиспользованной“ [1, стр. 238].

По своим качествам и составу донецкие угли отличаются большим разнообразием. В пределах бассейна встречаются каменные угли всех разновидностей.

Следует отметить отсутствие в прошлом осторожного подхода к вопросу использования особо ценных сортов углей. Фактом являлось серьезное несоответствие между удельным весом в общей добыче отдельных марок угля и их значением в запасах.

Накануне первой мировой войны, несмотря на преобладание запасов антрацита, добывался главным образом каменный уголь. Это несоответствие структуры добычи природным запасам было еще более резким в отношении коксующихся углей, основным потребителем которых (металлургический кокс) являлась металлургическая промышленность. Так, например, добыча угля в Донбассе в 1913 г. распределялась следующим образом: пламенный уголь составляет 22,9% всей добычи, газовый — 5,6%, кузнечный — 9,6%, коксовый — 58,6%, тощий — 3,3%. Следовательно, коксующийся уголь использовался в значительной мере как энергетическое топливо.

Изменения в размере добычи донецкого минерального топлива зависели от колебаний спроса на этот вид топлива, особенно со стороны крупнейшего потребителя угля — железных дорог.

✓ Развитие Донецкого бассейна шло под знаком хронической нехватки рабочей силы, связанной как с общеэкономическим положением в стране, так и со специфическими формами эксплуатации горнорабочих шахтовладельцами. Использование пришлой (главным образом из центральных черноземных губерний) рабочей силы находилось в зависимости от урожая или недорода данного года.

Урожайные годы были годами, когда приток рабочих из деревни сокращался; неурожай, напротив, гнал на Юг десятки тысяч крестьян.

Нетрудно представить себе бытовые жилищные условия всей этой огромной, подвижной массы рабочих, живших в примитивных землянках, стремившихся при первой возможности покинуть Донецкий бассейн.

Шахтовладельцы, добиваясь увеличения прибылей, вплоть до первой мировой войны отказывались от необходимых капитальных затрат на устройство рабочих поселков для закрепления рабочей силы за Донбассом и создания необходимых постоянных кадров горнорабочих. Их пугал подсчет затрат на устройство рабочих поселков, составлявших в предприятиях средней крупности 3,53 коп. на пуд добытого угля.

• Всего в Донецком бассейне в 1913 г. работало 186 угольных и антрацитовых предприятий, имевших в своем пользовании 200 тыс. десятин земли (около половины всей площади — собственной, принадлежавшей предприятиям; 45% — арендованной у частных лиц и сельских обществ и около 5% — войсковой).

Общий расход донецкого минерального топлива представлялся в следующем виде, %:

для вывоза на рынок	73,54
на коксование	19,10
на брикетирование	0,09
на собственные нужды рудников	7,27

Главными потребителями уральского угля являлись железные дороги и местная уральская промышленность. То же можно сказать о потреблении домбровских углей накануне войны: на железные дороги приходилось 26,4% всего вывоза этих углей, на металлургические заводы — 6,8%, на сахарные заводы — 3,2%, на переделочные и механические заводы — 4,5%, на фабрики и промышленные заведения — 38,7%, на прочих потребителей — 19,9%, на вывоз за границу — 0,5%.

Ввоз каменного угля из-за границы, сокращавшийся относительно в общем потреблении угля в России, возрастал в абсолютных размерах на протяжении нескольких десятилетий вплоть до первой мировой войны, достигнув в 1913 г. 473,6 млн. пудов. Ввоз угля имел место, несмотря на сравнительно значительное развитие собственной добычи угля и охранительные таможенные пошлины в $1\frac{1}{2}$ коп. с пуда для портов Балтийского моря, в 3 коп. — для западно-сухопутной границы (исключая ввоз из Германии, для которого пошлина была уравнена с пошлиной в портах Балтийского моря) и в 6 коп. — для портов Черного и Азовского морей.

В условиях частнокапиталистической формы производства рост ввоза угля из-за границы понятен, если принять во внимание отдаленность Донецкого бассейна от Прибалтийского района и Польши — двух основных районов потребления иностранного угля в старой России, а также отсутствие коксовых и некоторых других марок углей в Дом-

бровском бассейне, преимущества морской перевозки (из Англии и Германии) по сравнению с железнодорожной из Донецкого бассейна. В 1913 г. на долю Великобритании приходилось 52,2⁰/₀ общего ввоза, на долю Германии — 43,1⁰/₀.

Вывоз за границу минерального топлива (из Донецкого и Домбровского бассейнов), составлявший в 1913 г. всего 6 млн. пудов, осуществлялся в Австрию, Балканские государства, Турцию и Италию.

Добыча нефти при помощи неглубоких колодцев до 70-х годов XIX в. имела место исключительно в Бакинском районе. Только с начала 70-х годов, когда были заложены первые буровые скважины, стала возможной добыча нефти с глубоких горизонтов и в более или менее значительных количествах. Рост добычи продолжался вплоть до 1901 г., когда был достигнут наивысший (до первой мировой войны) уровень в 706,3 млн. пудов, что составило 50,6⁰/₀ мировой добычи нефти. Падение добычи нефти в последующие годы было вызвано отнюдь не тем, что наступил „период резкого падения производительности старобакинских площадей“, как это утверждал составитель „Общего обзора“ [1, стр. 277], а кризисом и депрессией, определенной корыстной политикой монополистически организованного капитала, заинтересованного в торможении развития добычи нефти, с целью поднятия цен на нее и экономии капитальных затрат на буровые работы.

Грубо-хищническая эксплуатация месторождений, использование лишь наиболее близких к поверхности нефтеносных слоев, отсталая техника добычи, — все это было естественным результатом хозяйничанья крупного капитала в нефтяной промышленности.

Из общей площади нефтеносных земель, предоставленных под разработку нефти, 64,7⁰/₀ приходилось на казенные земли, сданные в аренду за единовременное вознаграждение, подесятинную и попудную плату или долевое отчисление, 33,3⁰/₀ приходилось на частновладельческие земли и 2⁰/₀ на казенно-общественные.

Грозненский нефтяной район, промышленная разработка которого началась с 1893 г., т. е. с момента заложения первых буровых скважин в этом районе, сравнительно быстро завоевал заметное место в общероссийской добыче нефти. Так, например, удельный вес Грозненского района в 1913 г. составлял 13,2⁰/₀ общей добычи нефти. Другие районы добычи — Майкопский, Эмбинский — занимали совсем незначительное место.

подавляющая часть добывавшейся сырой нефти подвергалась переработке на нефтеперегонных заводах, которых в Бакинском районе числилось на 1 января 1915 г. 53, а фактически находилось в действии в 1914 г. только 30, в Грозненском районе — 6, в Майкопском — 2, в Эмбинском — 2. Кроме перечисленных имелись нефтеперегонные заводы в других районах европейской части России. Для внутреннего потребления использовались нефтяные остатки и сырая нефть, поступавшие по Волге лишь в небольшом количестве на нефтеперегонные заводы, расположенные внутри страны, или расходовались в виде смазочного материала. Главная масса жидкого топлива удовлетворяла нужды железных дорог, фабрик, заводов и волжского речного флота. Без Кавказа и азиатских областей в 1914 г. потребление нефтяного топлива фабриками и заводами составило 46,8⁰/₀, железными дорогами — 33,3⁰/₀, речным флотом — 19,9⁰/₀ общего потребления (201 млн. пуд. = 100⁰/₀).

Экспорт нефтяных продуктов за границу составлял в 1913 г. 48 млн. пудов, а в 1914 г. — 26,3 млн. пудов. При всей неустойчивости рыночных цен на нефть и ее продукты, связанной с изменяющимся соотношением спроса и предложения нефти на внутреннем и мировом рынках, конкуренцией с твердым топливом и т. д., нельзя не видеть резкого роста цен на нефть (табл. 7) на протяжении двух десятилетий, предшествовавших первой мировой войне [1, стр. 321].

Таблица 7

	Цены за пуд, коп.		
	сырая нефть	керосин	нефтяны
1893	2,0	6,7	2,0
1913	42,3	53,2	41,4

Причины роста цен связаны с завоеванием нефтью важных позиций в энергетическом балансе капиталистических стран. Паровая машина вытесняется двигателем внутреннего сгорания. Широкое развитие получают в эти годы автомобильная промышленность, морской и воздушный флот, химическая промышленность и т. д. Естественно, резко возрастает спрос на нефть и продукты ее переработки, что в условиях господства монополистического капитала ведет к быстрому росту цен.

Первая мировая война предъявила свои требования ко всей национальной экономике в целом и к горной промышленности и металлургии в особенности.

Основные отрасли горной промышленности и черная металлургия в годы первой мировой войны

Промышленность царской России, вступившей в войну неподготовленной, сильно отставала от других капиталистических стран. Внутреннее производство ряда продуктов тяжелой промышленности было совершенно недостаточным. Так, например, каменного угля было ввезено из-за границы в Россию в 1913 г. около 474 млн. пудов, что составляло 21,5% собственной добычи угля (в старых границах).

Ввоз угля из-за границы в годы войны резко сократился (в 1916 г. 61 млн. пудов). Уменьшилась добыча угля и выплавка черных металлов, в то время когда потребность в них резко выросла.

В 1916 г. на одни только военные нужды требовалось 177,5 млн. пудов металла, т. е. около $\frac{3}{4}$ всего производства черного металла за год. Незначительный ввоз металла (в 1916 г. — 16 млн. пудов) не мог в сколько-нибудь заметной степени ослабить металлический голод в стране.

Уже в первые годы войны общий годичный дефицит угля составлял 530—580 млн. пудов. Особой остроты угольный кризис достиг в конце 1916 и начале 1917 гг. Несмотря на то, что на ввозимый иностранный уголь была установлена, в интересах русской угольной промышленности, охранительная таможенная пошлина от 92 коп. до 2 руб. 44 коп. с тонны, импорт иностранного угля составлял заметную долю в общем потреблении угля в стране.

Военные события сделали невозможным импорт угля через порты Балтийского моря, а также получение угля из Домбровского бассейна. Закрывание навигации в Архангельском порту в декабре 1914 г. превратило Донецкий бассейн почти в единственный источник, питающий страну углем. Естественно, Донецкий угольный бассейн далеко не отвечал требованиям, предъявлявшимся к нему условиями военного времени.

Вначале на шахтах добыча угля даже понизилась, вследствие сокращения числа рабочих рук.

„Достаточно сослаться на то, что, по имеющимся в торговопромышленном ведомстве сведениям, — говорится в одной из записок Совета министров, — число рабочих на коях с 208 000 людей в декабре 1914 г. уменьшилось до 180 000 человек на 1 января 1915 г. и до 170 000 на 1 текущего февраля. В соответствии с сим и ежемесячная добыча, дошедшая после непрерывного подъема в осенние месяцы 1914 г. до 160 000 000 пудов, упала в декабре того же года до 143 000 000 пудов, в январе 1915 г. до 135 000 000 пудов, а в течение марта выразится, повидимому, всего в 60 000 000 пудов. Само собой разумеется, что с этим грозным явлением нельзя мириться и надлежит незамедлительно принять решительные меры к упорядочению этой стороны дела“ [2].

Одной из мер было освобождение рабочих Донецкого бассейна от призыва на действительную военную службу.

Острогу топливного вопроса не могла смягчить рекомендация всем потребляющим уголь ведомствам сократить расход угля и заменять его нефтяным, торфяным и древесным топливом.

Резкое сокращение добычи угля подрывало самые основы хозяйственной жизни страны, ставило под угрозу снабжение углем флота, железных дорог и фабрично-заводских предприятий, обслуживавших военные нужды.

„Внезапно выяснившийся угольный голод, грозящий самыми тяжелыми последствиями всей промышленности, прямо или косвенно связанной с нуждами армии, а следовательно, могущий оказаться гибельным для боевых операций, побуждает меня обратиться ныне самое серьезное внимание на вопрос обеспечения отечественного рынка и другими, кроме угля, материалами,“ — телеграфировали 4 марта 1915 г. из ставки верховного главнокомандующего председателю Совета министров [3].

Бюрократический, антинародный режим, ввергнув страну в войну, оставив в руках могущественных капиталистических монополий ключевые позиции в важнейших отраслях экономики, уже в первый год войны обнаружил свою несостоятельность в деле мобилизации экономических ресурсов государства.

Царские чиновники не умели и не хотели ограничить хищные аппетиты и корыстные интересы крупных капиталистов-монополистов, наживавшихся на войне, действовавших умело, организованно и настойчиво в достижении своих целей.

Динамика добычи в важнейшем угольном бассейне страны, Донецком, отражала особенности отдельных этапов военного периода его развития (табл. 8, [4, стр. 26]).

При этом следует иметь в виду, что увеличение добычи Донецкого угля в 1916 г. по сравнению с 1914 г. можно отнести за счет увеличения добычи не угля, а пород, поскольку заметно ухудшилось качество угля, повысилась его зольность.

Некоторое сокращение внутреннего потребления угля вследствие потери части территории, конечно, лишь в незначительной степени могло ослабить остроту угольного голода.

Кроме того, сказывались затруднения в снабжении шахт крепежным лесом, канатами и другими материалами, а также напряженность работы железнодорожного транспорта, приведшая к тому, что росли запасы невывезенного с шахт угля. К концу декабря 1916 г. запасы минерального топлива на шахтах составили 117 млн. пудов.

Изменение добычи по отдельным районам и каменноугольной промышленности в целом (в тыс. *т*) видно из табл. 9 [4, стр. 31].

Вопрос о рабочих кадрах в горнорудной промышленности со всей остротой встал с первых месяцев войны, поскольку в начале в войска были призваны все сроки запаса, без каких-либо исключений для рабочих и служащих горнопромышленных предприятий и, таким образом, последние лишились значительного количества опытных рабочих.

Убыль рабочих кадров, вызванную условиями военного времени, пытались нейтрализовать рядом мер, в частности использованием труда военнопленных. Так, например, в октябре 1916 г. в горнозаводских предприятиях юга России работало 70 000 военнопленных и на Урале 40 000 [5]. Этим же целям должно было служить привлечение к работам в шахтах иностранных рабочих, беженцев, а также расширение применения в предприятиях горнозаводской промышленности труда женщин и малолетних, увеличение продолжительности рабочего времени, установление обязательных работ в воскресные и праздничные дни и др.

Таблица 8

	Добыто угля и антрацита, тыс. <i>т</i>
1913	25 275
1914	27 584
1915	26 650
1916	23 682
1917	24 734

Таблица 9

	Донбасский бассейн	Подмосковный бассейн	Западная Сибирь	Урал	Восточная Сибирь	Туркестан	Кавказ	Всего с Донецким бассейном
1913	6950,2	299,8	876,3	1204,0	1167,9	137,6	70,4	35991,9
1914	3783,9	311,2	992,6	1379,2	1467,7	154,0	65,5	35735,1
1915	—	465,2	1280,9	1289,1	1525,0	163,8	75,3	31442,3
1916	—	696,2	1353,0	1511,9	1950,0	196,6	63,9	34460,5
1917	—	704,4	1394,0	1595,5	2473,3	185,1	32,8	31219,1

Рабочие угольной промышленности были затем освобождены от дальнейших призывов по мобилизации. Эти меры, хотя и увеличили число рабочих в шахтах на 25% в сравнении с довоенным временем, все же не дали соответственного увеличения добычи, так как пополнить кадры основных угольных рабочих, забойщиков и саночников было трудно. Это заставило Министерство торговли и промышленности в конце 1916 г. наметить план закупки необходимых для угольной промышленности машин и рудничного оборудования для перепродажи их угольным предприятиям.

Количество рабочих на угольных шахтах Донбасса составляло в 1913 г. 168 440 человек, в 1914 г. — 180 945, в 1915 г. — 180 600 и в 1916 г. — 237 000 [6].

Война привела к значительному падению производительности труда. Одной из причин падения производительности труда была замена квалифицированного труда неквалифицированным.

По мере продолжения войны все больше и больше падала производительность труда. В табл. 10 приведена месячная производительность труда рабочего по Донбассу [4, стр. 39].

Т а б л и ц а 10

Год	Тонн		Год		
1913	12,51	100	1916	10,06	80
1914	12,37	99	1917	7,34	59
1915	12,30	98	IV квартал 1917	5,65	45

Наряду с крупными и средними шахтами в Донецком бассейне существовало много мелких кустарных предприятий, обладавших способностью быстро реагировать на те или иные изменения конъюнктуры угольного рынка.

При росте добычи всего Донецкого бассейна в 1916 г. по сравнению с 1913 г. на 13,4% — рост добычи мелкой промышленности составил 54%. В 1916 г. 623 шахты с годовой производительностью до 16 тыс. т, составлявшие 78,7% к общему числу шахт Донбасса, всего дали угля 12,7% к добыче по бассейну.

Из общего количества угля, вывезенного на рынки потребления в 1914 г., было отправлено: 56 крупными фирмами (погрузившими каждая от 5 до 100 млн. пудов) 1000 млн. пудов., т. е. около 80%; 80 средними фирмами (от 1 до 5 млн. пудов каждая) 180 млн. пудов, т. е. 14% и свыше 500 мелкими фирмами (ниже 1 млн. пудов каждая) 75 млн. пудов, т. е. 6%. Итого 1255 млн. пудов [8].

Следовательно, крупные фирмы, организованные в акционерные общества, удовлетворяли $\frac{4}{5}$ всей потребности рынка, средние же

и мелкие лишь $\frac{1}{5}$ часть. Существование мелких кустарных шахт, дающих только 6% общего вывоза, оказалось возможным в Донецком бассейне, во-первых, вследствие характера залегания угольных пластов, которые в огромном большинстве выходили почти на дневную поверхность и потому могли быть разрабатываемы на очень малой глубине мелкими шахтами без особых затруднений и с малыми затратами; во-вторых, вследствие существования закона, признававшего владельца поверхности земли владельцем ее недр, что давало возможность богатому крестьянину или иному собственнику нескольких десятин земли завести собственное угольное „дело“

Естественно, что затрата капитала на каждый пуд ежегодно добываемого угля в кустарных предприятиях была в несколько раз меньше, чем в крупных.

На рынке уголь, поставлявшийся мелкими шахтами, стоил дешевле, ибо он имел больший процент зольности. Однако это обстоятельство не мешало ему находить сравнительно легкий сбыт среди определенного круга мелких и средних потребителей. Топливо, добываемое кустарями, поставлялось потребителям при посредничестве значительного числа скупщиков, которые давали авансы собственникам мелких

шахт на их устройство, содержали от своего имени склады на станциях отправления и вели торговые связи с потребителями. Конечно, эти мелкие шахты не могли составить ни в какой период сколько-нибудь серьезной конкуренции крупным шахтам, объединенным в акционерные общества, монополии.

Поэтому жалобы представителей крупного капитала в Донецком бассейне на то, что якобы присутствие на рынке углей мелких шахт „было всегда одной из главных причин несоответственно низким рыночным цен донецкого минерального топлива“ [9] следует признать совершенно необоснованными и демагогическими, особенно, если вспомнить незначительный удельный вес этих углей (6%) в общем сбыте донецкого топлива в 1914 г.

Нефтяная промышленность не располагала значительными резервами к началу войны. Сравнительно благополучное нефтеснабжение в 1914—1916 гг. обеспечивалось благодаря мощным фонтанам в Бакинском и Новой площади в Грозненском районах, а также прекращению нефтяного экспорта, создавшему дополнительный источник снабжения внутреннего рынка.

Как известно, максимальная добыча нефти до революции приходится на 1901 г. Падение добычи нефти в последующие годы объясняется корыстной, антигосударственной политикой нефтяных монополий, иностранного капитала, заинтересованного в искусственном торможении добычи нефти и поддержании высоких цен за нее внутри страны, а не истощением старо-бакинских площадей и отсутствием в течение долгого времени притока свежих земель.

Несмотря на это автор записки „О выработке мер экономического развития России в отраслях горной промышленности“ ратует за то, чтобы на первое место были поставлены интересы нефтепромышленников, а не „соображения фискального характера“, чтобы правительством оказывалась помощь не вообще всем частным предпринимателям, а прежде всего „солидным предпринимателям“ (т. е. крупному капиталу) как в деле разведок, так и путем выдачи ссуд из казны или путем командирования казенных геологов.

Адвокат отечественного крупного капитала, пожаловавшись на тяжелые условия конкурентной борьбы с иностранными нефтепромышленниками, предлагал все же „открыть более широкий доступ иностранному капиталу в дело разведок мало исследованных нефтяных районов“ [10], в то время, когда влияние иностранного капитала в русской нефтяной промышленности до революции было и без того очень сильным (табл. 11).

Т а б л и ц а
Добыча нефти в России (по годам), тыс. т [4, стр. 94]

	1914	1915	1916	1917
9225,0	9017,1	9315,1	9872,1	8707,4

Добыча нефти в 1916 г. увеличилась по сравнению с 1915 г. Хотя положение с нефтью было несколько лучше, чем с добычей угля, все же нефти было недостаточно.

Война сказалась отрицательно на структуре нефтяной продукции нефтеперегонных заводов: увеличилась „мазутность“ производства — выпуск неквалифицированных продуктов (нефтяных остатков) за счет уменьшения выпуска квалифицированных (бензин, осветительные и смазочные масла) продуктов.

Географическое размещение топливной промышленности в дореволюционной России носило на себе печать всех отрицательных черт стихийного размещения промышленности при капитализме вообще: неравномерность, значительная удаленность от центров потребления и т. д.

В результате непомерной централизации топливодобычи страна потребляла, главным образом, дальнепривозное топливо.

В работе проф. А. Е. Пробста „Основные проблемы географического размещения топливного хозяйства СССР“ указывается, что средняя дальность перевозки угля по железным дорогам составляла в 1912 г. 529 км. Дальность перевозки нефтепродукта была еще более значительна, если учесть, что большая часть нефтепродукта до перегрузки на железные дороги предварительно перевозилась на огромные расстояния по водным путям. Так, средняя дальность пробега по внутренним водным путям тонны нефти и нефтяных продуктов составляла в 1913 г. 1714 км. Естественно, что топливоснабжение целого ряда районов всегда находилось под угрозой срыва, так как железные дороги не справлялись с перевозками топлива.

*

Недостаточная подготовленность страны в экономическом отношении к трудностям военного времени проявилась, в частности, в сокращении добычи железных руд. Так, например, в главном из железорудных районов, Криворожском, добыча железных и марганцевых руд уже за последнюю четверть 1914 г. не достигала даже 58% добычи соответствующей четверти 1913 г. За весь 1914 г. добыча железных руд в Криворожском районе (290 937 428 пудов) уменьшилась против 1913 г. (377 964 261 пудов) на 23% [11, л. 33].

Сказывалось отвлечение рабочей силы на войну и замена выбывших квалифицированных рабочих менее опытными. Те же явления наблюдались и в уральском горнопромышленном районе. Подавляющее количество рабочих в железорудной промышленности было занято в Криворожье и на Урале, а в марганцевой — в Никопольском районе (табл. 12, 13).

Таблица 12

Число рабочих, занятых на разработке железных руд в 1913 г. [11, л. 12]

Район	Количество рабочих	Район	Количество рабочих
Урал	12 025	Северный район	208
Подмосковный	3 021	Кавказ	16
Юг и юго-запад России	12 785	Сибирь	70
Польша	1 786		
		Всего .	29 911

Таблица 13

Число рабочих, занятых на разработке марганцевых руд в 1913 г. [11, л. 13]

Район	Количество рабочих
Кавказ	3291
Юг России	924
Урал .	44
Всего .	4259

Недостаточная геологическая изученность естественных богатств страны и неспособность царского правительства успешно развивать производительные силы лежали в эти годы в основе „чугунного голода“

Частная собственность на землю, абсолютная земельная рента чрезвычайно тормозили развитие горной промышленности вообще и железорудной в частности. На это обстоятельство были вынуждены указывать даже чиновники Горного департамента, хотя они и прибегали к более чем мягким характеристикам и определениям.

„Необходимо иметь в виду, что известные донныне месторождения железных руд Юга всецело расположены в двух районах (Криворожском и Желторецком), где все земли представляют собой частную собственность, что, при отсутствии в нашем горном законодательстве для частновладельческих земель начала горной свободы, обуславливает для собственников возможность неограниченного произвольного распоряжения недрами. Не говоря уже о сравнительно высоких арендных ценах на пользование недрами, естественно отражающимися на рыночной стоимости железных продуктов, такая монополизация прав распоряжения недрами в руках собственников земель ныне чрезвычайно затрудняет дальнейшее промышленное обследование железорудных месторождений“ [12, л. 4—5].

Сущность горной свободы заключалась в преимущественном праве разработки минеральных богатств, залегающих в недрах земли, перед правом собственности на поверхность земли.

Принцип Петра I о полной свободе горного промысла на казенных и частных землях уступил место при Екатерине II противоположному началу, во многом стеснившему эту свободу и выразившемуся в екатерининском законе 1782 г., который вплоть до революции составлял содержание основных положений Горного устава.

В Польше принцип горной свободы был введен в 60-х годах XIX в. и это составляло предмет зависти для горнопромышленников всех остальных частей империи, не устававших постоянно жаловаться на несправедливость и устарелость отдельных частей и положений Горного устава.

В тесной связи с развитием металлургии находится развитие марганцевой промышленности (табл. 14).

Т а б л и ц а 14

Добыча марганцевой руды (по годам), млн. пуд. [13, л. 33]

Район	1913	1914	1915
Чиатурский	59,2	40,4	15,7
Никополь-Мариупольский	16,2	14,6	14,0
Итого	75,4	55,0	29,7

Как видно из табл. 14, падение добычи марганца шло, главным образом, за счет Чиатурского района, „специализировавшегося“ на экспорте марганца, ставшего невозможным с началом военных действий.

Преступное отношение к нуждам страны, к ее кровным интересам со стороны насквозь прогнившего царского режима способствовало хищнической деятельности иностранного капитала на русской почве,

не заинтересованного в развитии производительных сил и стремившегося к грубо-корыстным, спекулятивным операциям.

„Наиболее крупными предприятиями в Чиатурском районе до последнего времени являлись два германских предприятия, — пишет автор „Записки“, — Гельзенкирхенское горнопромышленное общество и Кавказское рудничное товарищество. Площадь марганцевых месторождений, находящихся в руках этих предприятий составляет 619 десятин арендованной земли, на которой можно было бы развить крупнейшее марганцевое дело. Однако эти два предприятия почти не разрабатывали принадлежавших им рудных площадей, а занимались исключительно экспортом руды, скупая последнюю у мелких марганцевопромышленников Чиатурского района“ [13, л. 34].

В военных условиях снизилась также и выплавка черных металлов (табл. 15).

Таблица 15

Выплавка чугуна (по годам), млн. пуд. [13, л. 31; 14]

Район	1913	1914		1916	1917
Юг России .	189,7	186,2	167,5		
Урал . . .	55,8	52,4	50,3		
Подмосковный . . .	11,8	10,5	7,1		
Приволжский и Прибалтийский	0,1	0,1	0,1		
Польша	25,6	14,9	—		
Всего	283,0	264,1	225,0	231,9	184,5

Сокращалось количество действующих доменных печей.

Таблица 16

Число доменных печей, действовавших в России [11, л. 29]

Район	на 1 июля 1914 г.	на 1 июля 1915 г.	
Юг России	52	44	
Урал	61	63	—
Подмосковный	13	12	—
Польша	12	—	
Всего	138	119	115

Причинами уменьшения числа действовавших доменных печей, помимо определенной политики крупного капитала, занятого в черной металлургии (ограничение размеров производства), были, с одной стороны, затруднения в области снабжения заводов рабочими руками, с другой стороны, резкий недостаток вагонов и пропускной способности железных дорог, что создавало огромные затруднения как в снабжении заводов рудой, коксом и прочим сырьем, так и в вывозе на рынок готовой продукции заводов.

Низкая производительность труда в черной металлургии царской России перед самой войной, по сравнению с уровнем производительности труда в соответствующей отрасли передовых капиталистических стран, выразительно подчеркивала отставание русской черной металлургии (табл. 17).

Т а б л и ц а 17

Название стран	Выплавка чугуна на одного рабочего в год, т
Россия	205
Франция	239
Англия	356
Германия	404
США	811

Война была использована владельцами металлургических заводов для наживы и обогащения. Недостаток металлов в условиях роста спроса на них способствовал разгулу appetитов монополистов. Не случайно в самый разгар войны Совет министров в своей докладной записке от 23 августа 1916 г. „Об установлении высших предельных цен на металлы“ жаловался:

„Обусловленные войной увеличение спроса на металлы и сокращение производительности выделяющих их заводов приводят к напряженности нашего металлургического рынка и способствуют спекулятивному поднятию на нем цен“ [15, л. 128].

Вопрос о развитии отечественной металлургии привлекал к себе внимание и с точки зрения улучшения баланса внешней торговли.

Еще до войны отсутствие в России достаточно развитого производства металлов вызывало ежегодно весьма крупную утечку золота за границу, как это видно из следующих данных, содержащихся в докладной записке директора Горного департамента Разумова „О мерах содействия казны в деле развития горной и горнозаводской промышленности“ (табл. 18).

Т а б л и ц а 18

Уплачено за границу (по годам)	За сырые металлы и изделия из них, не считая драгоценных металлов, млн. руб.	В том числе за сырые металлы, млн. руб.	Всего ввезено в Россию всяких товаров, млн. руб.
1906	135,6	32,0	624,4
1907	137,4	29,1	701,5
1908	146,0	25,0	760,4
1909	159,6	23,9	785,9
1910	191,5	30,4	952,5
1911	237,4	37,3	1022,7
1912	250,3	46,5	1036,7
1913	275,0	52,7	1220,5

Как следует из табл. 18, около 20% стоимости общего ввоза в Россию уплачивалось за металлы и изделия из них [16].

Монополистический капитал в горной промышленности и черной металлургии

Иностранный капитал еще до войны обеспечил себе господствующее положение в ряде отраслей русской промышленности.

Около одной трети акционерного капитала принадлежало иностранному, вложения которого в промышленность, транспорт и торговлю составляли примерно 1,5—2 млрд. руб. Наиболее зависима от иностранного капитала была русская горная промышленность, металлургия, металлообрабатывающая и другие отрасли.

„Необходимо иметь в виду, что перед 1914 годом важнейшие отрасли промышленности России находились в руках иностранного капитала, главным образом французского, английского и бельгийского, то-есть стран Антанты. Важнейшие металлургические заводы России находились в руках французских капиталистов. В целом металлургия почти на три четверти (на 72 процента) зависела от иностранного капитала. В каменноугольной промышленности — в Донбассе — была такая же картина. Около половины нефтяной добычи находилось в руках англо-французского капитала. Значительная часть прибылей русской промышленности шла в заграничные, по преимуществу — в англо-французские, банки“ [17, стр. 156].

Русская горная промышленность и металлургия в период первой мировой войны носила на себе печать господства монополистически организованного крупного капитала.

В. И. Ленин в своей классической работе „Империализм, как высшая стадия капитализма“ показал, как развитие концентрации объективно неизбежно приводит к образованию монополий.

Критикуя немецкого экономиста Кестнера, посвятившего „борьбе между картелями и посторонними“ особое сочинение, названное им „Принуждение к организации“, Владимир Ильич Ленин справедливо замечает, что здесь следовало бы сказать „... чтобы не прикрашивать капитализма, о принуждении к подчинению союзам монополистов. Поучительно взглянуть просто хотя бы на перечень тех средств современной, новейшей, цивилизованной, борьбы за „организацию“, к которым прибегают союзы монополистов: 1) лишение сырых материалов (... „один из важнейших приемов для принуждения к вступлению в картель“); 2) лишение рабочих рук посредством „аллиансов“ (т. е. договоров капиталистов с рабочими союзами о том, чтобы последние принимали работу только на картелированных предприятиях); 3) лишение подвоза; 4) лишение сбыта; 5) договор с покупателем о ведении торговых сношений исключительно с картелями; 6) планомерное сбивание цен (для разорения „посторонних“, т. е. предприятий, не подчиняющихся монополистам, расходятся миллионы на то, чтобы известное время продавать ниже себестоимости: в бензинной промышленности бывали примеры понижения цен с 40 до 22-х марок, т. е. почти вдвое!); 7) лишение кредита; 8) объявление бойкота“ [18, стр. 194].

Монополии, действовавшие на русской почве в горной и металлургической промышленности также широко пользовались этим богатым арсеналом средств воздействия на „непокорных“, ведя успешную борьбу с „неорганизованными“ предприятиями.

„Перед нами уже не конкуренционная борьба мелких и крупных, технически отсталых и технически передовых предприятий. Перед нами — удушение монополистами тех, кто не подчиняется монополии, ее гнету, ее произволу“, — пишет В. И. Ленин [18, стр. 194].

Угольная промышленность была широкой ареной действий как для русского, так и для иностранного монополистического капитала. Все-силие крупного капитала, связи с правящими кругами внутри страны и с иностранными банками вне ее позволяли монополиям на русской почве „не стесняться“ в выборе средств для достижения поставленных целей.

Некоторый интерес представляет в этом свете переписка между министром юстиции Щегловитовым и министром торговли и промышленности Тимашевым о незаконных действиях синдиката „Продуголь“. Основанием для переписки послужил рапорт прокурора Петербургской судебной палаты Корсака о том, что, „... С.-Петербургский коммерческий суд, рассмотрев возбужденный Южно-Русским Днепровским металлургическим обществом иск о расторжении заключенного им с „Продуглем“ договора по передаче последнему исключительного права продажи всего добываемого обществом каменного угля, признал названное общество свободным от исполнения упомянутого договора, носящего все признаки воспрещенной статьей 1180 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных сделки“ [19, л. 21].

Дело в том, что „... из посредника между продавцом — производителем минерального топлива — и покупателями последнего, на каковое посредничество „Продуголь“ только и был уполномочен своим уставом, он превратился в контору синдиката каменноугольных предприятий, регулирующую их взаимные отношения по совместной продаже добываемого ими топлива“ [19, л. 3], что воспрещалось законом, формально каравшим „... за стачку торговцев или промышленников для возвышения цены не только предметов продовольствия, но и других необходимой потребности товаров“ [19, л. 21]. Характерно, что, констатировав нарушение закона со стороны „Продугля“, Петербургский коммерческий суд не решился возбудить уголовное преследование влиятельной монополии, маскировавшей свою деятельность вывеской невинной торговой и комиссионной организации. Так, например, согласно § 1 утвержденного 11 мая 1904 г. и 9 марта 1911 г. устава, общество для торговли минеральным топливом Донецкого бассейна „Продуголь“ учреждено „... для торговли минеральным топливом Донецкого бассейна как за собственный счет, так и по поручениям“.

Ответы, данные обществом „Продуголь“ на вопросные пункты, предложенные ему при выработке законопроекта о предпринимательских объединениях, не оставляют никаких сомнений относительно истинного характера этого объединения. Осторожность и фальшь чувствуются в этих ответах руководителей объединения „Продуголь“. Разумеется, „причинами“, вызвавшими образование общества были: „а) несогласованность производства с потреблением; б) недостаточность рынков сбыта“ [19, л. 6]. „Целью“ соглашения было: „урегулирование сбыта угля и кокса и расширение рынка сбыта“ и т. д. [19, л. 6]. Однако на вопрос о содержании договоров между обществом и акционерами-контрагентами пришлось говорить и о доле контрагента в общей продаже и о расчетах за „переборы и недоборы“ и даже о „премии за отказ от производства“ „За отказ от выпуска договорных продуктов на внутренний рынок контрагенту может быть назначено обществом особое, по взаимному их соглашению, вознаграждение“ [19, л. 7], иначе говоря, владельцы угольных предприятий поощрялись к сокращению добычи угля в интересах повышения цен на него или удержания цен на высоком уровне.

Министр торговли и промышленности, с одной стороны, стал в позу защитника законов Российской империи, а с другой — явно взял под защиту „Продуголь“, всячески стремясь смягчить отрицательные характеристики, содержащиеся в прокурорском донесении министру юстиции, стремясь оставить впечатление объективного подхода к делу. Во-первых, „Продуголь“ далеко не охватывал всей добычи угля в России“ [19, л. 10] и, следовательно признавая большое значение „Продугля“ в установлении цен на уголь, не следует его преувеличивать. Во-вторых, деятельность общества имеет, по мнению министра, важное положительное значение в известные периоды, например, в периоды кризиса, депрессии.

„В период угнетенного положения промышленности так называемых промышленных кризисов объединенная организация предприятий приносит делу несомненную, существенную пользу, внося известную систему в добычу и сбыт продуктов. Такое значение надлежит признать и за обществом „Продуголь“ [19, л. 11]. Но в периоды подъема промышленности и усиления спроса министр готов признать вредное влияние „... подобных синдикатских организаций, которые затрудняют свободную конкуренцию, регулируюшую цены в соответствии с условиями производства“ [19, л. 11].

Возражая против господствовавшего мнения о том, „... что эта организация искусственно задерживает развитие добычи угля с целью повышения цен на него“, министр предлагал назначить правительственное обследование деятельности другого, еще более могущественного синдиката — Общества для продажи изделий русских металлургических заводов („Продамета“) и обсудить в Совете министров общий вопрос об отношении правительства к синдикатам.

Любопытно, что грабительская, антинародная политика монополий, обосновавшихся в отраслях топливной промышленности, была настолько откровенно-циничной, что заставляла отдельные лица и организации обращаться по этому поводу с „советами“ к правительству.

В одной из таких телеграмм (2 апреля 1915 г.) министру торговли и промышленности, в которой критикуется резолюция экономического совещания Государственного совета об угольном голоде в России, говорится: „Резолюция совещания имеет чисто академическо-теоретический характер. Если в настоящее время не будут приняты самые спешные и решительные меры по вопросу о топливе — интересам государства может грозить существенное потрясение. Производство минерального топлива в России находится в руках синдикатов, которые диктуют цены на топливо и от которых зависит самое количество производимого топлива“

В телеграмме содержится просьба: „назначить особую комиссию с чрезвычайными правами, но без участия самих углепромышленников для действительного выявления на месте причин — недостаточной добычи топлива и повышения цен на топливо“ [20].

Попытки призвать к порядку зарвавшихся монополистов в то время, когда в России так же, как и в других капиталистических странах, шел процесс подчинения государственного аппарата монополиям, конечно, оставались гласом вопиющего в пустыне.

Монополистические объединения в металлургической промышленности („Продамета“, „Кровля“, „Гвоздь“ и др.), осуществляли политику, тормозившую технический прогресс, приводившую к недоиспользованию производственных возможностей в этой отрасли промышленности. О степени влияния этих монополий можно судить, например,

по синдикату „Продамета“, монополизировавшему рынок и реализовавшему в 1912 г. 81% сортового, 78% листового и универсального железа от общей продажи этих товаров в России [21], [22, стр. 326].

Монополистический капитал, завоевав сильные позиции в стране, серьезно подрывал экономику государства, его обороноспособность, заставляя народные массы выносить на себе всю тяжесть войны 1914—1917 гг.

Естественно, что такая политика монополий встречала чувство протеста прежде всего передовой русской общественности. Даже реакционно-монархические элементы, исходя из демагогических соображений, оказывались иногда вынужденными стать в позу критиков деятельности монополий.

Любопытна в этом отношении характеристика, данная синдикату „Продамета“ в ноябре 1916 г. в одной статье, предназначенной для черносотенной газеты „Киевлянин“. В ней перечислялись причины металлургического кризиса, причем в качестве одной из них называется деятельность синдиката „Продамета“.

„Наконец последней причиной сокращения производства металлов является деятельность металлургического, в значительной доле к тому же нерусского, синдиката „Продамета“. Синдикат этот уже до войны сжимал производство металла. Так, в последний год довоенного периода, год наибольшего производства, наши доменные печи доставляли лишь около 72% того количества чугуна, какие способны были они выплавлять. „Продамета“ производила эту недовыработку сознательно. Она же, концентрируя все заказы и распределяя их между заводами, искусственно ослабляла производительность наиболее мощных предприятий, отнимая у них возможность свободной конкуренции за новые рынки и лишая здоровой индивидуальной инициативы. Эта деятельность „Продамета“ не прекратилась во время войны [15, л. 128].

Используя выгодную конъюнктуру, руководители Общества для продажи изделий русских металлургических заводов — „Продамета“ в подходящих случаях сами ссылались на трудности военного времени, нехватку рабочей силы, перегруженность транспорта и т. д., не забывая напомнить о своем „патриотизме“, желании внести свой „вклад“ в дело разгрома военного противника. Так, например, в письме министру торговли и промышленности от 22 июля 1915 г. руководители „Продамета“ писали:

„Перед русской промышленностью все настойчивее предстает задача снабдить армию и флот необходимыми боевыми припасами и предметами, служащими для государственной обороны. Ради этой цели, которая должна господствовать над всеми другими вопросами, каждая отрасль промышленности обязана распределить свою работу так, чтобы, оставив в стороне заказы для частных потребителей, все свои силы направить на удовлетворение нужд государственной обороны“ [23].

Далее в письме идет речь о принятом руководством этого синдиката решении принимать „только заказы ведомств: Военного, Морского и Путей Сообщения, а также вагоно- и пароходостроительных заводов, от частных же заказчиков — исключительно такие, к которым будут представлены удостоверения соответственных властей о том, что заказываемое железо идет на удовлетворение нужд вышеуказанных ведомств“ [23, л. 57].

Этот „патриотический“ жест тем более легко было сделать, что самыми выгодными, прибыльными были именно государственные, военные заказы.

Особенно велика была роль монополистического, иностранного капитала в нефтяной промышленности.

Дореволюционная Россия, будучи страной, в которой „прибыль обычно высока, ибо капиталов мало, цена земли сравнительно невелика, заработная плата низка, сырые материалы дешевы“ [18, стр. 229], привлекала к себе иностранные капиталы перспективой выгодного их применения.

Усиленному стремлению иностранного капитала в Россию способствовал и высокий уровень таможенных пошлин. В этих условиях иностранный капитал, обосновавшийся в отраслях горной промышленности, осуществлял реакционную политику торможения развития производительных сил России, выражавшуюся, как это особенно заметно было на примере нефтяной промышленности, в отказе от значительных капиталовложений в буровые работы, непосредственно определяющие объем нефтедобычи и одновременно, в искусственном вздутии цен на нефть, обеспечивавшем огромные прибыли.

Таблица 19

Фирма	Добыча, %
Группа Нобеля	13,9
Шелл и К°	16,1
Ойл и К°	21,8
Всего организованные фирмы	51,8
Неорганизованные фирмы	48,2

В табл. 19 приведены данные о распределении к началу войны добычи нефти в России между „организованными“ и „неорганизованными“ фирмами [4, стр. 114].

Однако истинное влияние монополий иностранного капитала в этой отрасли горной промышленности было значительно выше, если иметь в виду не только добычу, но и переработку нефти, торговлю ею.

Фирмы, представлявшие крупный капитал, занимали командные позиции в нефтяном деле, опираясь также на принадлежавшие им нефтеперегонные заводы, транспортные средства и решающее место в торговле нефтью. Так, товарищество братьев Нобель и общество „Мазут“ сосредоточили в своих руках 70% всего отпуска керосина и почти всю торговлю нефтяными остатками.

Обращает на себя внимание настойчивость, с какой монополистический капитал, занятый в русской нефтяной промышленности, осуществлял политику повышения цен на нефть, роста прибылей, используя „выгодную“ для себя обстановку военного времени.

В записке от 15 апреля 1916 г. управляющему канцелярией Совета министров И. А. Лодыженскому, министр торговли и промышленности Шаховской меланхолично писал о причинах высоких цен на нефть: „... законодательное регулирование вопроса о промышленных объединениях встречает значительные трудности. Во-первых, такие организации бывают часто совершенно неуловимы, а во-вторых, лишь в исключительных случаях представляется возможным установить состав преступления. По этим причинам вопрос о законодательной регламентации указанных объединений остается неразрешенным до сих пор и в западноевропейских государствах, и отношение государственной власти к этим организациям сводится к установлению за ними наблюдения, причем в случае нарушения их действиями государственных интересов, могут наступить различные последствия: закрытие организаций, уголовная ответственность руководителей и, наконец, экономические мероприятия в виде облегчения привоза иностранных продуктов“ [24].

Нет надобности доказывать, что все эти „теоретические“ рассуждения министра ничего не меняли по существу на практике.

/ На примере горной промышленности, больше чем в каком-либо другом случае, можно видеть тормозящее влияние частной собственности на развитие производительных сил. Имея дело с полезными ископаемыми, залегающими в недрах земли, горная промышленность до Великой Октябрьской революции была в своем развитии подчинена корыстным интересам частных предпринимателей-капиталистов. Охраняя эти интересы, царское правительство меньше всего было способно ограничить хищнические аппетиты горнопромышленников даже в том случае, когда их деятельность наносила прямой ущерб интересам страны и народа в целом.

Специфической особенностью горной промышленности является ее капиталоемкость, значительные размеры первоначальных затрат капитала. Нетрудно понять, что иностранный капитал, в значительной мере подчинивший себе русские банки, тормозивший развитие русской горной промышленности, не был совершенно заинтересован в оказании помощи кредитом отдельным, не входящим в сферу монополий, горным предприятиям.

Не случайно Горный департамент, имея в виду трудности получения кредита отдельными горнопромышленниками, жаловался: „Как отдельные лица, так и банки обычно предлагают предпринимателям начинать дело самим и развивать его до известных, хотя бы небольших, размеров, после чего уже обещают свою поддержку и участие в деле. Таким образом, в рассматриваемой области создается как бы безвыходное положение: для развития предприятия требуются деньги, а они могут быть получены на частном рынке лишь после успешной затраты денег в предприятие“ [12, л. 24].

Из всего этого делается вывод о необходимости оказания денежной помощи таким предприятиям из государственных средств.

Русские банки, в которых иностранный капитал имел значительные или решающие позиции, в полном соответствии с природой империалистической стадии развития капитализма, играя новую роль, вкладывали средства в крупнейшие промышленные монополии.

В. И. Ленин в своей работе „Империализм, как высшая стадия капитализма“ приводит расчеты Е. Агада, из которых следует, что свыше 40% функционирующего капитала петербургских крупнейших банков приходится на синдикаты „Продуголь“, „Продамета“, синдикаты в нефтяной, металлургической и цементной промышленности [18, стр. 220].

Война усилила процесс слияния банковского капитала с промышленным. Акционерная форма организации предприятий, система „участия“, предоставляла банкам возможность распоряжаться огромными чужими средствами при помощи контрольного пакета акций, получать учредительную прибыль. В результате в годы войны возникло большое количество новых предприятий (табл. 20), [25]).

Еще до войны в России возникло большое количество акционерных обществ в различных отраслях народного хозяйства. В годы войны этот процесс заметно усилился во всех отраслях, в том числе в горной и металлургической промышленности (табл. 21 [22, стр. 368]).

Акад. П. И. Ляшенко, применяя подсчеты П. Оля [26] об иностранных капиталах, непосредственно вложенных в отдельные отрасли, вычислил долю участия иностранного капитала в этих отраслях в 1916—1917 гг., не считая зависимости от иностранного банковского капитала (табл. 22, [27]).

Безостановочный рост потребности русской экономики в продукции горной промышленности и металлургии заставлял время от времени

высокопоставленных чиновников, ведавших этими отраслями, искать пути их развития

В „Записке о выработке мер экономического развития России в отраслях горной промышленности“ (1916 г.) Министерства торговли и промышленности отмечалось слабое геологическое обследование и промышленное изучение горных богатств, недостаточное развитие отраслей горной промышленности.

Т а б л и ц а 20

Период	Учреждено предприятий	Капиталы учреждений, млн. руб.
С августа 1914 г. по август 1915 г.	250	208
С августа 1915 г. по август 1916 г.	477	545
С августа 1916 г. по август 1917 г.	826	1056

Наряду с некоторыми организационными мерами, которые предлагали авторы „Записки“ (например, преобразование Геологического комитета), ставился вопрос о содействии казны развитию горной промышленности и о привлечении частного капитала к делу эксплуатации горных богатств.

Т а б л и ц а 21

Год	Выплавка и обработка металлов		Горное дело	
	число предприятий	капитал, млн. руб.	число предприятий	капитал, млн. руб.
1914	19	16,9	26	71,1
1915	11	19,8	27	46,8
1916	38	64,0	43	107,7
1917	34	89,6	58	177,2

Ими было внесено предложение о создании особого горнопромышленного банка, „снабжающего предприятия кредитом на оборудование дела и самые операции, обеспечиваемым залогом прав на недра, запасы ископаемого в коих могли бы для этой цели определяться экспертизой учрежденного при таком банке особого комитета из специалистов“ [13, л. 6].

Т а б л и ц а 22

Отрасли промышленности	Весь капитал акционерный и облигационный, млн. руб.	В том числе иностранный, млн. руб.	Процент
Горное дело	917,8	834,3	91
Выплавка и обработка металлов	937,8	392,7	42

Исходя из того, что „... едва ли можно на первое время рассчитывать лишь на отечественные денежные ресурсы“ в „Записке“

рекомендуется „мириться с неизбежностью привлечения иностранных капиталов“, ввиду чего следует „устранить или смягчить установленные нашими законами ограничения в отношении горнопромышленной деятельности в тех или других районах иностранных акционерных обществ с акциями на предъявителя и иностранных компаний“ [13, л. 6].

Чтобы успешнее привлекать для этой цели русские и иностранные капиталы, следует облегчить условия сдачи под горную разведку и эксплуатацию казенных земель, причем в этом случае лучше „отрешиться от целей извлечения из такой эксплуатации непосредственных фискальных выгод, устанавливая те или другие сборы с горнопромышленников лишь в видах гарантии от непроизводительного или спекулятивного захвата казенных земель“ [13, л. 7].

Чиновники Министерства торговли и промышленности стремились под видом защиты государственных интересов создать еще более благоприятные условия для применения иностранного частного капитала. Конечно, не были забыты в этой связи и предложения улучшить всякого рода пути сообщения, пересмотреть ставки железнодорожного тарифа в интересах горнопромышленников, предоставлять вновь возникающим горным и металлургическим предприятиям долгосрочные казенные заказы и т. д.

Поскольку использование тех или иных площадей для горной промышленности на основании действовавших законов зависело всецело от воли собственника поверхности, так же как и условия и сроки разработки недр, естественно, что авторы „Записки“ выступают с требованием переработки Горного устава, а в ее основу кладут начала горной свободы.

Подозревая, не без основания, сильнейший протест и возражения со стороны землевладельцев при осуществлении этого предложения, авторы „Записки“, твердо стоя на страже интересов капиталистов-горнопромышленников, рекомендуют действовать „...независимо от противодействия, какое сия мера может встретить при своем осуществлении“ [13, л. 8].

Буржуазное Временное правительство продолжало ту же антинародную политику заискивания перед иностранным капиталом, что и царское. Когда французское правительство обратилось с предложением организовать после войны торговые связи так, чтобы французский рынок заменил для России германский и австрийский, куда до войны сбывалось значительное количество русских товаров, и возбудило вопрос об эксплуатации наших горных богатств, Горный департамент более чем услужливо рекомендовал принять французские предложения и подсказывал в своем официальном письме по этому поводу в Министерство торговли и промышленности французскому капиталу сферу его приложения в горной промышленности России, обращая его внимание на слабые стороны экономики русской горной промышленности. Одним словом, готов был помочь иностранному капиталу и дальше прибирать к рукам естественные богатства страны.

„В частности желательно было бы рекомендовать французским капиталистам войти в более близкое соприкосновение с русскими горнопромышленными кругами на предмет ознакомления с находящимися в частных руках месторождениями ископаемых, нуждающимся в приложении капитала для их эксплуатации. Если же французскими предпринимателями будут намечены к разработке месторождения ископаемых, находящиеся в распоряжении казны, то в таких случаях

им надлежит обратиться с конкретными предложениями об эксплуатации сих месторождений в Министерство торговли и промышленности" [28].

Военно-промышленные комитеты

Русская буржуазия, добившись во время войны большого влияния на государственные дела, стремилась изобразить империалистическую войну, как всенародную. Этой цели должны были служить, по ее замыслу, военно-промышленные комитеты.

В „Положении“ о военно-промышленных комитетах, утвержденном Советом министров говорилось:

„§ 1. Для содействия правительственным учреждениям в деле снабжения армии и флота всеми необходимыми предметами снаряжения и довольствия учреждаются на время текущей войны, центральный, областные и местные военно-промышленные комитеты“ [29].

Военно-промышленные комитеты выступали в качестве общественных организаций, пользующихся правами юридического лица и не преследующих коммерческих целей.

Центральный военно-промышленный комитет, находившийся в Петрограде, руководил деятельностью областных и при их посредстве — местных военно-промышленных комитетов.

Этой затеей с военно-промышленными комитетами российская буржуазия рассчитывала провести мобилизацию промышленности, взять в свои руки дело материального снабжения армии и, воспользовавшись затруднениями царизма, добиться большего влияния в экономической и политической жизни государства.

В июле 1915 г. съезд представителей военно-промышленных комитетов по докладу об организации снабжения сырыми материалами заводов и предприятий, работающих на государственную оборону, принял решение о снабжении топливом и металлами.

К весне 1916 г. в стране было 239 военно-промышленных комитетов, а в дальнейшем еще больше.

Но в обстановке надвигающейся хозяйственной разрухи и в условиях самодержавия — продажного, насквозь прогнившего политического режима царизма — десяток-другой новых решений и постановлений ничего по существу изменить не мог.

Самодержавие, тяжелым грузом лежавшее на плечах народных масс, терзавшее и душившее все честное в народе, неспособно было, конечно, вызвать его сочувствие и поддержку в империалистической войне. Даже деятельность военно-промышленных комитетов, укомплектованных из „верноподданных“ элементов, казалась царскому правительству подозрительной и вредной. Министерство внутренних дел приняло все зависящие от него меры, чтобы „скомпрометировать“ в глазах высших царских чиновников эти комитеты. В „Особом журнале“ Совета министров от 18 июня 1916 г. — „О некоторых мерах в отношении военно-промышленных комитетов“ с „высочайшей“ резолюцией: „Одобряю и требую, чтобы намеченные здесь мероприятия не остались мертвою буквой“, — речь идет о вредном влиянии этих общественных организаций на развитие рабочего движения. Стремление буржуазии подчинить своему руководству и влиянию рабочих посредством создания „рабочих групп“ при военно-промышленных комитетах представлялось царским чиновникам чрезвычайно опасным делом, ведущим к „подрыву устоев“.

„Различные уклонения военно-промышленных комитетов от прямого их назначения, а равно угрожающие государственному порядку и общественному спокойствию проявления их деятельности не могли не обратить на себя внимания правительственной власти“ [30, л. 65].

Учитывая это, Министерство внутренних дел вынесло „на уважение Совета министров предложение относительно издания нового положения о военно-промышленных комитетах, восполняющего обнаруженные опытом пробелы в организации этих объединений, обеспечивающего должный правительственный надзор за их деятельностью и наделяющего военную и гражданскую власть достаточными полномочиями для предупреждения и пресечения нежелательных уклонений комитетов от непосредственных своих задач“ [30, л. 66].

Но совет министров, опасаясь последствий открытого и грубого вмешательства правительства в деятельность этих комитетов, предлагал, не изменяя формального положения от 27 августа 1915 г. относительно прав и полномочий военно-промышленных комитетов, воздействуя на соответствующие ведомства, создать такие условия, при которых они все равно были бы лишены возможности осуществлять свою деятельность и вынуждены были бы самоликвидироваться. С этой целью предлагалось военным ведомствам постепенно сокращать выдачу заказов через посредство комитетов и вообще избегать обращаться к их услугам.

Большую работу провели большевики против военно-промышленных комитетов, обслуживавших войну, против попыток меньшевиков подчинить рабочих влиянию империалистической буржуазии, создавшей с этой целью „рабочие группы“ при военно-промышленных комитетах.

„Война показала, что партия большевиков была единственной партией, которая выдержала с честью испытание и осталась верной до конца делу социализма, делу пролетарского интернационализма“ [17, стр. 166]. Огромная разъяснительная работа, которую, проводила большевистская партия против военно-промышленных комитетов в армии и флоте, приносила свои плоды. Поражение царских войск на фронте, хозяйственная разруха приближали смертельный кризис царизма.

Материальные и бытовые условия жизни горнорабочих

В дореволюционной России во всех отраслях горной промышленности огромную роль играл неквалифицированный и малоквалифицированный труд. При таком положении в условиях капитализма с его жестокой эксплуатацией рабочих создавался сильнейший тормоз для внедрения техники, для механизации различных процессов добычи полезных ископаемых, а значит и для роста производительности труда. Один из самых тяжелых видов труда, низкая заработная плата, исключительно неблагоприятные жилищные и бытовые условия — вот что выпадало на долю горнорабочего в эти годы.

В табл. 23—25 приведены некоторые фактические данные, характеризующие заработки в различных районах.

Общая сумма заработка всех рабочих Иваново-Матвеевского горно-промышленного товарищества за июнь 1914 г. составляла 9031 руб. 19 коп. и за июнь 1916 г. — 12560 руб. 38 коп. [31].

При этом был установлен 10-часовой рабочий день для всех рабочих, причем некоторые категории из них (смазчики, кочегары и другие) работали без выходных дней, т. е. имели 30 рабочих дней в месяц.

При общей дифференцированности заработков обращает на себя внимание характерная для дореволюционных условий горной промышленности эксплуатация труда малолетних, подростков и женщин.

Таблица 23

Иваново-Матвеевское горнопромышленное товарищество (каменноугольные копи) в Иркутской губернии и уезде Мальтинской волости.
Распределение рабочих, занятых в предприятии в июне 1914 г. (числитель)
и в июне 1916 г. (знаменатель) по размерам их дневного заработка

Размер дневного заработка рабочих	Количество рабочих					малолетних общего пола	всего
	взрослых свыше 17 лет		подростков 15—17 лет				
	мужчин	женщин	мужчин	женщин			
До 50 коп. включительно		—	—	—		3,5	3/5
Свыше 50 коп. до 75 коп.	—	11/0	1/0	6/5		—	18/5
75 коп. до 1 руб.	39/0	0/14	5/9	—			44/23
1 руб. до 1 руб. 50 коп.	59/129	—	—				59/129
1 руб. 50 коп. до 2 руб.	51/41						51/41
2 руб. до 2 руб. 50 коп.	48/25						48/25
2 руб. 50 коп. до 3 руб.	17/45		—				17/45
3 руб. до 4 руб.	4/22						4/22
И т о г о	218/262	11/14	6/9	6/5		3/5	244/295

Низкими были заработки в Подмосковном угольном бассейне. Как видно из табл. 24, 56,7% рабочих Побединских угольных копей получали до 1 руб. заработной платы в день.

Общая сумма заработка всех рабочих за июнь 1914 г. составляла 28 449 руб. 60 коп. [32].

Таблица 24

Углепромышленное акционерное общество Подмосковского района
(Побединские каменноугольные копи)
в Рязанской губ. Скопинском уезде, в июне 1914 г.

Размер дневного заработка рабочих	Количество рабочих					
	взрослых старше 17 лет		подростков 15—17 лет		малолетних обоого пола	
	мужчин	женщин	мужчин	женщин		
До 50 коп. включительно	101	26	95	37		259
Свыше 50 коп. до 75 коп.	528	—	14	—		542
75 „ „ 1 руб.	115					115
1 руб. до 1 руб. 50 коп.	528					528
1 руб. 50 коп. до 2 руб.	170					170
2 руб. до 2 руб. 50 коп.	1					1
2 руб. 50 коп. до 3 руб.	1					1
3 руб. до 4 руб.	—					—
4 руб. „ 5 руб.	3					3
Итого	1447	26	109	37		1619

На Кемеровских коях (акционерного общества Кузнецких угольных копей) в июне 1914 г. получали до 1 руб. в день 35,7% рабочих,

до 1 руб. 50 коп. — 8,9% и до 2 руб. — 55,4% рабочих; в июне 1916 г. там же получали до 1 руб. в день 11,5%, до 1 руб. 50 коп. — 8,9%, до 2 руб. 50 коп. — 68,9% и до 4 руб. — 10,7% всех рабочих [33].

Заработки подавляющей части рабочих металлургических предприятий также были весьма низкими (табл. 25).

Т а б л и ц а 25

Акционерное общество Белорецких железоделательных заводов Пашковых
Белорецкий завод Верхнеуральского уезда Оренбургской губ.

Распределение рабочих, занятых в предприятии в июне 1914 г.
по размерам их дневного заработка

Размер дневного заработка рабочих	Количество рабочих					
	взрослых, старше 17 лет		подростков 15—17 лет		мало- летних обоего пола	всего
	мужчин	женщин	мужчин	женщин		
До 50 коп. включительно .	140	60	20	5		225
Свыше 50 коп. до 75 коп.	654	—	—	—		654
„ 75 „ 1 руб.	524					524
„ 1 руб. до 1 руб. 50 коп.	476					476
„ 1 руб. 50 коп. до 2 руб.	270					270
2 руб. до 2 руб. 50 коп.	58		—		—	58
2 руб. 50 коп. до 3 руб.	5	—		—	—	5
3 руб. до 4 руб.	1				—	1
4 руб. „ 5 руб.	2	—			—	2
Итого .	2130	60	20	5	—	2215

Общая сумма заработка всех рабочих за июнь 1914 г. составляла 51 847 руб. 15 коп. [34].

Как видно из табл. 25, дневной заработок до 1 руб. имели 63,3% рабочих; до 1 руб. 50 коп. — 21,5%; до 2 руб. — 12,2% всех рабочих завода. Только 3% рабочих имели дневной заработок свыше 2 руб.

Наиболее распространенной системой найма рабочих была подрядная, открывавшая путь для самых невероятных злоупотреблений и произвола. Рабочие, члены „артели“, получали плату от подрядчика по количеству „упряжек“, превращаясь в объект двойной эксплуатации: со стороны предпринимателя и со стороны подрядчика.

Подлинным бичом для рабочих являлись всякого рода штрафы.

Жестокая эксплуатация горнорабочего подчас выступала в форме принудительного кредитования продуктами из рудничной лавки по ценам, как правило, выше рыночных.

Война сильно ухудшила положение всего рабочего класса, получившего удлинение рабочего дня, рост цен на предметы жизненной необходимости, наконец, снижение заработной платы (табл. 26 [22, стр. 353]).

Падение реальной заработной платы достаточно убедительно иллюстрируется движением индекса стоимости жизни в России на всем протяжении военных лет.

Индекс стоимости жизни для всей России показывает следующее повышение: 1913 г. — 100; 1914 г. — 101; 1915 г. — 130; июль 1916 г. — 205; июль 1917 г. — 675 и октябрь 1917 г. — 755 [35], [4, стр. 170].

В результате реальная заработная плата в 1917 г. упала до 57,4 % от уровня 1913 г. [27, стр. 674].

Жилищные и бытовые условия жизни горнорабочих были крайне тяжелыми. Характерны в этом отношении факты, относящиеся к золотым приискам, которые приводил на II Всероссийском съезде деятелей по горному делу в 1913 г. доктор Д. И. Никольский: „человеческие жилища оказались хуже помещений для животных: в них часто не бывает пола, потолка, были общие нары, а тюфак, где он полагался, приходился на 3—4 человека. Помещения были страшно тесны, количество воздуха крайне мало — на человека приходилось всего $\frac{1}{2}$ куб. сажени и как максимум около сажени, а часто бывало и $\frac{1}{4}$ куба воздуха на одного рабочего“

Т а б л и ц а 26

Движение месячной заработной платы
фабрично-заводского рабочего
(в товарных рублях)

	Товарный руб.		Товарный руб.
1913	22,00	1916	20,20
1914	21,30	1917	17,79
1915	20,60		

Эти факты делают понятными и другие положения: „Самые крепкие рабочие выдерживают не более 10—15 лет тяжелого труда. На тысячу детей приходилось 500—600 смертей“ [36].

Горная промышленность занимала первое место по количеству несчастных случаев. В табл. 27 приведены данные о травматизме горнорабочих Донецкого бассейна, взятые из отчетов горнопромышленников юга России и отнюдь не отличающиеся особой полнотой и точностью [37].

Т а б л и ц а 27

	На 1000 рабочих						На 1 млн. пуд. добычи					
	убитых и умерших от ран	пострадавших с постоянной утратой трудоспособности		временно нетрудоспособных	пострадавших с невыясненным исходом	всего пострадавших	убитых и умерших от ран	пострадавших с постоянной утратой трудоспособности		временно нетрудоспособных	пострадавших с невыясненным исходом	всего пострадавших
		полностью	частично					полностью	частично			
1905	2,23	0,21	25,61	340,29	7,86	376,19	0,23	0,02	2,68	35,68	0,82	39,45
1908	5,19	0,15	18,87	241,01	7,24	272,46	0,61	0,01	2,19	27,97	0,84	31,62

Высокий травматизм был характерен для всей горной промышленности. Так, среднее количество несчастных случаев в 1908 г. по горной и горнозаводской промышленности, исключая добычу каменной соли, на 1000 рабочих было 291,4 и по каменноугольной — 241. Исключительное положение, которое занимала в этом отношении горная промышленность подчеркивается сопоставлением с другими отраслями промышленности. Например, по всем отраслям обрабатывающей промышленности, подлежавшим надзору фабричной инспекции, несчастных случаев за 1906—1910 гг. было 33,2 на 1000 рабочих.

Есть основания и эти огромные цифры о травматизме среди горнорабочих считать преуменьшенными. Такое предположение отчасти подтверждается данными о средней продолжительности лечения пострадавших в Донецком бассейне за 1904—1908 гг. Согласно этим данным, временная нетрудоспособность продолжалась в среднем от 12 до 19 дней [37, стр. 94]. Это указывает на то, что легкие случаи травматизма совсем, повидимому, не регистрировались.

Беспощадная эксплуатация русских рабочих, занятых в горной промышленности и металлургии, обеспечивавшая максимальные прибыли, служила притягательной силой как для „отечественного“, так и в особенности для иностранного капитала.

Только Октябрьская социалистическая революция покончила с бесчеловечной эксплуатацией горнорабочих и превратила их в передовой отряд строителей социализма.

О регулировании горной промышленности

Имея в виду регулирование и контроль во время войны, В. И. Ленин писал: „ В сущности говоря, весь вопрос о контроле сводится к тому, кто кого контролирует, т. е. какой класс является контролирующим и какой контролируемым“ [43, стр. 317]. Эта ленинская характеристика дает ключ к пониманию сущности военной экономики буржуазных государств. Частная собственность на средства производства остается экономической основой капитализма и в условиях военного времени. А это — главное.

То обстоятельство, что государство в условиях войны берет под контроль деятельность того или иного количества частных предприятий, осуществляет в различных формах вмешательство в экономику, нисколько не нарушает экономической основы капитализма. В период господства монополий буржуазное государство и в мирные и в военные годы представляет собой орган крупного монополистического капитала, а обеспечение максимальной капиталистической прибыли, как учит товарищ И. В. Сталин, является основным законом капитализма в этот исторический период [51].

В одной из современных работ, посвященных военной экономике, так нарисована картина усиления конкуренции и анархии производства: „В условиях государственного „регулирования“ конкуренция приобретает особо острые формы. Прежде всего идет ожесточенная борьба внутри господствующей группы монополистов за получение выгодных правительственных заказов, государственных субсидий, вокруг цен на продукцию, рынков сбыта, за влияние в государственном аппарате, в том числе и в „регулирующих организациях“ Наконец, происходит борьба между господствующей кучкой монополистов и мелкими и средними фирмами и аутсайдерами“ [52].

Государственное „регулирование“ в старой России также вело, как и в других буржуазных странах, лишь к усилению стихийного проявления экономических законов капитализма. И здесь существовали два рынка: рынок с регулирующими товарными ценами и черный рынок с высокими товарными ценами, поглощавший значительную массу товаров производительного и личного потребления. В докладе на XVIII съезде партии товарищ И. В. Сталин определил основные черты военной экономики капиталистических стран, говоря о милитаризации хозяйства, его однобоком, одностороннем развитии, всемерном расширении военного производства и сокращении гражданского производства

и потребления. Хотя степень „вмешательства“ в экономику и „регулирование“ со стороны государства в царской России были значительно слабее, чем в ряде других капиталистических стран, все характерные особенности военной экономики были достаточно рельефно обозначены и в России.

Возбужденный военным министерством (председателем „Особого совещания по обеспечению действующей армии предметами боевого и материального снабжения“ А. Поливановым) в середине 1915 г. вопрос о применении всеобщей реквизиции минерального топлива в Донбассе в целях улучшения снабжения топливом работающих на оборону заводов вызвал переполох и тревогу среди значительной части углепромышленников.

Если уклончивый ответ министра торговли и промышленности Шаховского на предложение председателя Совета министров высказаться по данному вопросу, мог быть истолкован как частичное признание необходимости крайних мер по организации сбыта угля в стране, то министр путей сообщения С. Рухлов прямо выступил против этих предложений военного ведомства, считая, что они принесут больше вреда, чем пользы.

Какие же аргументы мобилизовали в свою пользу заинтересованные в провале этих предложений углепромышленники.

В докладной записке „Совета Съездов представителей промышленности и торговли“ министру финансов 19 ноября 1915 г. сообщалось, что на специальном заседании Особой комиссии под председательством И. Ф. Дитмара, посвященного обсуждению проекта правил об исключительной поставке в казну минерального топлива Донецкого бассейна, было единогласно принято решение против „монополизации государством торговли минеральным топливом“.

Против подобного рода „крайних мер“ высказались не только углепромышленники, но и крупные потребители топлива: владельцы частных железных дорог, металлургических заводов.

Вот эти аргументы: „1. Государственная монополия торговли донецким минеральным топливом не устранит коренной причины переживаемого ныне кризиса топлива — расстройства железнодорожного движения“ [38, л. 14].

Обращалось внимание на то, что только урегулирование железнодорожных перевозок может устранить несоответствие между спросом и предложением топлива, а между тем, на шахтах скопились, вследствие недостатка железнодорожных вагонов, огромные запасы угля — 120 млн. пудов.

„2. Государственная монополия продажи топлива не внесет существенного улучшения в дело перевозок угля по железным дорогам. 3. Государственная монополия торговли представляется излишней и в отношении обеспечения топливом железных дорог и предприятий, работающих на оборону, так как это обеспечение уже налажено 4. Нормировка цен на топливо в целях установления их равномерности может быть проведена и помимо государственной монополии. 5. Государственная монополия торговли топливом коренным образом нарушает сложившиеся экономические отношения и в случае ее осуществления может привести к опасному расстройству промышленной жизни страны, что в свою очередь неблагоприятно отразится на обороноспособности последней“ [38, л. 14—15].

Аннулирование ранее заключенных договоров на поставку угля принесет огромные убытки предприятиям, работающим на донецком

топливе, и вызовет большие осложнения во взаимоотношениях между углепромышленниками и потребителями. Наконец, углепромышленники выражали лицемерную озабоченность необходимостью крупных государственных затрат на организацию распределения угля.

„6. Монополия топлива требует сложной организации создания громадных штатов и очень крупных затрат со стороны казны. Между тем не исключена возможность быстрой ее ликвидации в связи со скорым окончанием войны. 7. Казенная монополия устраняет от угольной промышленности торговый класс, поддерживающий развитие мелких и средних рудников, часть которых неизбежно вынуждена будет приостановить работу, вследствие чего произойдет сокращение добычи топлива. 8. Неизбежно связанное с монополией смешение углей разных сортов и рудников лишит потребителей не только привычных, но иногда технически необходимых им углей определенных сортов, лишит их топлива известных и испытанных рудников, дающих угли постоянного качества, наиболее подходящих к условиям работы в данном предприятии“ [38, л. 15].

Все эти аргументы должны были убедить Совет министров в нецелесообразности законопроекта об исключительной поставке в казну минерального топлива Донецкого бассейна. Так или иначе, но в конце декабря 1915 г. министр торговли и промышленности, используя предоставленное ему право, утвердил так называемые „Правила преимущественных заказов на донецкое минеральное топливо, исполняемых без предварительного заключенных договоров“, согласно которым такие преимущественные заказы должны осуществляться в порядке „частной реквизиции“

Некоторое количество, главным образом, представителей крупного капитала в Донецком бассейне высказывались за общую реквизицию угля на время войны, т. е. за объявление всего минерального топлива этого бассейна, добытого и подлежащего добыче, — собственностью казны и о распределении его между потребителями распоряжением правительства. Такой оборот дела был соблазнительным для некоторой части крупных углепромышленников тем, что освобождал их от необходимости поставок угля по ранее заключенным долгосрочным договорам с более низкими продажными ценами, чем реквизиционные.

Обеспеченный сбыт, достаточно высокие цены и уверенность в своевременном получении платежей за уголь — все это давал проект общей казенной реквизиции, выглядевший, казалось бы, довольно привлекательно с точки зрения интересов крупных углепромышленников.

Наоборот, средние и мелкие шахтовладельцы, свободные от поставок угля по твердым и относительно низким ценам железным дорогам, военным ведомствам, использовали спекулятивный рост цен на уголь на внутреннем рынке при продаже его населению, различным учреждениям, предприятиям и высказывались против общей реквизиции.

„Правилами“ от 11 ноября 1915 г. и видоизменяющими их „правилами“ от 9 мая 1916 г. была уточнена и детализирована разбивка потребителей на очереди с точки зрения интересов обороны государства и важнейших общественных нужд.

Обострившийся угольный голод показал, что меры, принимавшиеся так называемым Особым совещанием по топливу (Осотопом) и сводившиеся в основном к регулированию вывоза угля при помощи разрешительной системы перевозок, недостаточны. Летом 1916 г. возник

проект создания центрального комитета для торговли твердым минеральным топливом Донецкого бассейна (Центроуголь) с правом монопольной торговли под контролем правительства.

Углепромышленники, решительно восставшие против попыток государственного регулирования угольного рынка отклонили этот проект.

С резкой критикой специальных организаций, созданных в годы войны для приспособления к нуждам военного времени топливной промышленности, выступали особенно сплоченно и организованно горнопромышленники юга.

Совет съезда горнопромышленников юга России использовал любую возможность (выступления руководителей, различные печатные издания) в годы войны, чтобы в крайне резкой форме критиковать меры, хотя бы внешне рассчитанные на упорядочение топливного вопроса и снабжения черными металлами.

В качестве примера укажем на передовую статью журнала „Горнозаводское дело“ № 8 от 28 февраля 1917 г., где редакция весьма сочувственно и с оттенком нескрываемой зависти говорит о роли немецких промышленников в Германии в годы войны, лицемерно жалуясь на судьбу русских горнопромышленников. Статья содержит сознательные преувеличения.

„Переживаемая нами война характеризуется в области народного хозяйства значительным ограничением (а в некоторых случаях почти полным упразднением) частной инициативы и заменой этого принципа противоположным ему началом — правительственного регулирования промышленности“.

Указывая на Германию, где „... безгранично доверие правительственной власти к вождям промышленности“, адвокаты русских горнопромышленников-монополистов из „Горнозаводского дела“ восклицают: „В Германии не боятся промышленности, не боятся „алчности“ и „свокорыстия“ промышленников, не боятся синдикатов, не боятся даже так называемого „порабощения“ крупной промышленностью мелкой и средней промышленности, если это диктуется государственной необходимостью, и считают необходимым придавать силу закона постановлениям самоуправляющейся индустрии — и результаты всего этого на лицо.“

А у нас? Громадная сложная система великого множества совещаний, комитетов, уполномоченных, не знающих промышленности, не доверяющих ей и потому применяющих такие меры, от которых получаются совершенно обратные результаты“

„В результате, — не без злорадства заканчивается статья, — начальства много, но страна остается без топлива, без хлеба и без железа“

В 1916 г. промышленность на 71% была загружена правительственными и „общественными“ заказами; только 29% шло на мирный рынок [39]. В этих условиях острый товарный голод и дороговизна были неизбежны. Резкий недостаток металлов, угля подрывал работу железнодорожного транспорта. С другой стороны, не справляясь с огромными перевозками различных грузов военного времени, в том числе и с вывозом донецкого угля, транспорт ухудшал топливоснабжение всей страны.

Экономической дезорганизации, вызванной войной, подвергались и остальные отрасли промышленности и народного хозяйства. Военная обстановка требовала применения принципов контроля и регулирования не только в угольной, но и в нефтяной, железорудной и металлургической промышленности.

Накопив значительные запасы нефти и нефтяных продуктов, нефтепромышленники уже в первый год войны дали почувствовать потребителям нефти силу монополистического объединения. Конечно, нефтепромышленники цинично использовали выгодную конъюнктуру, тяжелое положение других и, прежде всего, угольных отраслей топливной промышленности. Недаром волжские судовладельцы обрушили град телеграмм на Совет министров, содержавших весьма обоснованные обвинения против капиталистов-нефтяников в грубой спекуляции нефтью и нефтяными продуктами.

Добившись резкого повышения цен на мазут, а также повышения фрахтовых ставок на перевозку мазута, нефтепромышленники, монополизировавшие сбыт мазута, поставили в невыгодное положение всех волжских потребителей нефти, и особенно судовладельцев. Не имея возможности быстро перейти к использованию других видов топлива, судовладельцы оказались в безвыходном положении и попали в зависимость от нефтяников-монополистов.

Телеграммы нижегородского, рыбинского, саратовского, казанского, биржевых комитетов требовали объявления государственной монополии добычи и торговли нефтью, а в качестве ближайшей неотложной меры — нормирования цен на нефтяное топливо.

Для характеристики настроений, господствовавших в кругах волжских капиталистов — потребителей нефти, может служить телеграмма Казанского губернского предводителя дворянства Толстого-Милославского от 12 апреля 1915 г. адресованная председателю Совета министров.

„Казанское дворянство проникнуто непоколебимым убеждением, что только властная правительственная рука сможет посредством государственной монополии обуздать давно существующую фактическую монополию нефтепромышленников, терзающую и тормозящую как развитие всевозможных производств, так даже и развитие своего собственного дела потому, что боевым кличем нефтяного соглашения является не расширение производства, а сокращение его, не дешевизна, вознаграждаемая количеством, а дороговизна, вызываемая искусственным голодом“ [40].

Затянувшаяся на несколько лет империалистическая война истощала и без того слабую экономику дореволюционной России. Прогнивший политический режим царизма не в состоянии был в сколь-нибудь разумной, целесообразной форме использовать те материальные жертвы, которые оказались вынужденными нести народные массы.

В записке „О мерах содействия казны в деле развития горной и горнозаводской промышленности“ от 8 февраля 1917 г., адресованной Государственной думе, Горный департамент с грустью констатировал: „Нельзя не отметить, что затянувшаяся война и без того вызвала уже колоссальный отлив из страны золота на приобретение потребных нам недостающих металлов и произведений металлургической промышленности, способствовавший созданию за границей новых металлургических предприятий — между тем как денежных жертв и истекшего с начала возникновения войны времени оказалось бы достаточно для насаждения новых отечественных и расширения действующих у нас предприятий, способных, может быть, к настоящему моменту уже разрешить вопрос об удовлетворении всего или значительной части спроса на металл“ [12, л. 2].

Финансовое положение России в годы войны быстро ухудшилось под бременем огромных военных расходов и неблагоприятного соотношения вывоза и ввоза основных товаров, способствовавшего в конечном счете росту государственного долга России (табл. 28, [22]).

Т а б л и ц а 28

	Вывоз из России, тыс. руб.	Ввоз в Россию, тыс. руб.
1914	956 090	1 097 987
1915	401 834	1 138 561
1916	577 297	2 451 199
1917	463 963	2 316 748

Товарищ И. В. Сталин писал: „В России до войны государственная задолженность равнялась 9 миллиардам, причём для оплаты процентов требовалось всего 400 миллионов рублей в год, между тем как за три года войны задолженность доходит до 60 миллиардов, требуя на одни лишь проценты ежегодно 3 миллиарда рублей“ [41, стр. 190].

В обстановке гигантского роста военных расходов царскому правительству не удавалось успешным выпуском бумажных денег и внутренними займами покрыть дефицит военного бюджета. Приходилось прибегать к внешним займам, предоставлявшимся „союзниками“ на тяжелых, кабальных условиях.

Англия цинично стремилась прибрать к своим рукам золотые запасы России, а в 1916 г. не постеснялась потребовать по русским займам двойного обеспечения. Наглость империалистических хищников — „союзников“ — России, использовавших ее тяжелое финансовое положение в своих грубокорыстных интересах, заставила министра финансов Барка заявить в мае 1916 г., что при дальнейшем развитии военных событий кредит России у союзных держав приведет к полной финансовой от них зависимости.

Невольно вспоминается позиция союзника СССР по антигитлеровской коалиции во второй мировой войне — Соединенных Штатов Америки, не постеснявшихся с чисто торгашеским бесстыдством предъявить Советскому Союзу — стране, вынесшей на своих плечах всю тяжесть борьбы с гитлеровскими ордами и ценой крови миллионов своих сыновей, спасших мир от фашистской чумы, — необоснованные, непомерные претензии в связи с проблемой урегулирования взаимных расчетов.

Буржуазное Временное правительство в деле руководства экономической жизнью страны было таким же банкротом, как и его предшественник — царское правительство. Русская буржуазия в блоке с крупными помещиками была вдохновительницей империалистической войны „до победного конца“ Только в знаменитых „Апрельских тезисах“ В. И. Ленина был указан выход из создавшегося положения, была дана ясная революционная линия перехода от буржуазной революции к социалистической.

„В области экономической переходные меры сводились: к национализации всех земель в стране при конфискации помещичьих земель, к слиянию всех банков в один национальный банк и введению контроля над ним со стороны Совета рабочих депутатов, к введению

контроля над общественным производством и распределением продуктов" [17, стр. 177].

Разъяснительная работа большевистской партии, разоблачавшей перед массами грабительский характер войны и истинное лицо ее вдохновителей во Временном правительстве, вызывала со стороны последнего бешеные репрессии и потоки клеветы.

В статье „Как запугивают народ капиталисты?“ В. И. Ленин разоблачал в частности невежественные, бесчестные маневры „Финансовой газеты“, выступавшей против перехода контроля за промышленностью в руки рабочих и клеветавшей на социализм, будто последний означает отнятие собственности у десятков миллионов граждан.

„Социалисты хотят добиться, — писал В. И. Ленин, — „отречения“ *только* у помещиков и капиталистов. Чтобы нанести решительный удар тому издевательству над народом, которое проделывают, напр., углепромышленники, дезорганизуя и портя производство, достаточно добиться „отречения“ от *нескольких сот*, самое большее от одной-двух тысяч миллионеров — банковых и торгово-промышленных воротил“ [42, стр. 403].

Не сломив сопротивления нескольких сот миллионеров невозможно было предотвратить наступления хозяйственного, экономического кризиса в стране. На этом важнейшем вопросе В. И. Ленин останавливается в ряде своих работ.

Так, в труде „Грозящая катастрофа и как с ней бороться“, написанной в сентябре 1917 г., В. И. Ленин говорит о грозившей России неминуемой катастрофе вследствие расстройств железнодорожного транспорта и связанного с этим прекращения подвоза сырья и угля на фабрики, прекращения подвоза хлеба. Кроме того, „Капиталисты умышленно и неуклонно саботируют (портят, останавливают, подрывают, тормозят) производство, надеясь, что неслыханная катастрофа будет крахом республики и демократизма, Советов и вообще пролетарских и крестьянских союзов, облегчая возврат к монархии и восстановление всевластия буржуазии и помещиков“ [43, стр. 299].

„Относительно угольной промышленности, не менее „готовой“ технически и культурно к национализации, не менее бесстыдно управляемой грабителями народа, угольными королями, мы имеем ряд нагляднейших *фактов* прямого саботажа, прямой *порчи* и остановки производства промышленниками“ [43, стр. 313].

Ленин напоминает об основных и главных мерах борьбы, мерах предотвращения катастрофы и голода: контроле, надзоре, учете, регулировании со стороны государства, установлении правильного распределения рабочих кадров в производстве и распределении продуктов.

„Контроль, надзор, учет — вот первое слово в борьбе с катастрофой и с голодом. Вот что бесспорно и общепризнано. И вот чего как раз *не делают* из боязни посягнуть на всевластие помещиков и капиталистов, на их безмерные, неслыханные, скандальные прибыли, прибыли, которые наживаются на дороговизне, на военных поставках“ [43, стр. 300].

Имея в виду осуществление главнейших мер контроля, Ленин считал необходимым: 1) объединение всех банков в один и государственный контроль над его операциями или национализацию банков; 2) национализацию синдикатов, т. е. крупнейших монополистических союзов капиталистов (сахарного, нефтяного, угольного, металлургического и т. д.); 3) отмену коммерческой тайны; 4) принудительное

синдицирование (т. е. принудительное объединение в союзы) промышленников и торговцев; 5) объединение населения в потребительские общества.

Обосновывая необходимость национализации синдикатов, Ленин, в частности, указывает на нефтяную промышленность.

„Возьмите нефтяное дело. Оно „обобществлено“ уже предшествующим развитием капитализма в гигантских размерах. Пара нефтяных королей — вот кто ворочает миллионами и сотнями миллионов, занимаясь стрижкой купонов, собиранием сказочных прибылей с „дела“, уже организованного фактически, технически, общественно в общегосударственных размерах, уже ведомого сотнями и тысячами служащих, инженеров и т. д. Национализация нефтяной промышленности возможна *сразу* и обязательна для революционно-демократического государства, особенно когда оно переживает величайший кризис, когда надо во что бы то ни стало сберечь народный труд и увеличивать производство топлива“ [43, стр. 311—312].

Борясь против оппортунистических идей эсэров и меньшевиков, выступавших с реакционной защитой отсталого капитализма, Ленин в заключение своей статьи пишет:

„Стоять на месте нельзя — в истории вообще, во время войны в особенности. Надо идти либо вперед, либо назад. Идти вперед, в России XX века, завоевавшей республику и демократизм революционным путем, *нельзя*, не *идя* к социализму, не делая *шагов* к нему“

И далее: „Диалектика истории именно такова, что война, необычайно ускорив превращение монополистического капитализма в государственно-монополистический капитализм, *тем самым* необычайно приблизила человечество к социализму.

Империалистская война есть канун социалистической революции. И это не только потому, что война своими ужасами порождает пролетарское восстание, — никакое восстание не создаст социализма, если он не созрел экономически, — а потому, что государственно-монополистический капитализм есть полнейшая *материальная* подготовка социализма, есть *преддверие* его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, *никаких промежуточных ступеней нет*“ [43, стр. 333].

Обескровленная годами войны и разрухи экономика досталась в наследство Советской власти. В тяжелом положении находился железнодорожный транспорт, не справлявшийся с перевозкой жизненно необходимых стране грузов.

Несмотря на крайне низкую добычу топлива в Донецком бассейне в конце 1917 г. транспорт был еще в худшем положении, так как не в состоянии оказался вывезти даже то, что было добыто, в результате чего запасы минерального топлива росли. Сильное сокращение вывоза имело место и по другим видам горнозаводских грузов Юга (табл. 29, [44]).

В период с ноября 1917 г. по февраль 1918 г., названный Лениным периодом „красногвардейской атаки на капитал“, немалую роль сыграл рабочий контроль.

В пункте 1 принятого ВЦИК 27 ноября 1917 г. „Положения о рабочем контроле“ сказано: „В интересах планомерного регулирования народного хозяйства во всех промышленных, торговых, банковых, сельскохозяйственных, транспортных, кооперативных, производственных товариществах и пр. предприятиях, имеющих наемных рабочих или же дающих работу на дом, вводится рабочий контроль

над производством, куплей-продажей продуктов и сырых материалов, хранением их, а также над финансовой стороной предприятия“ [45, стр. 20].

Т а б л и ц а 29

Род груза	Вывоз, млн. пудов		
	вероятный за декабрь 1917 г.	за декабрь 1916 г.	за ноябрь 1917 г.
Минеральные топлива	65,0	105,6	73,9
Руды	10,0	22,3	40,3
Флюсы	3,5	8,6	4,2
Соли	3,5	4,9	3,4
Чугун.	1,5	2,3	1,8
Итого	83,5	143,7	93,5

В этом же „Положении“ определялся порядок конструирования органов рабочего контроля, их функции, права: право наблюдения за производством, право устанавливать минимум выработки предприятия и принимать меры к выяснению себестоимости производимых продуктов, право контроля всей деловой переписки предприятия и т. д. Коммерческая тайна отменялась.

На саботаж горнопромышленников молодая Советская власть отвечала декретами о конфискации соответствующего имущества.

Так, декрет Совнаркома от 20 декабря 1917 г. определяет: „Ввиду отказа Заводоуправления Акц. О-ва Богословского Горного округа подчиниться декрету Совета Народных Комиссаров о введении рабочего контроля над производством—Совет Народных Комиссаров постановил конфисковать все имущество Акционерного Об-ва Богословского Горного округа, в чем бы это имущество ни состояло, и объявить его собственностью Российской Республики“ [45, стр. 44—45].

Аналогичный декрет за подписью товарища Сталина от 9 января 1918 г. был издан о конфискации всего имущества акционерного общества Сергинско-Уфалейского горного округа. А спустя несколько месяцев, в июле 1918 г., декретами Совнаркома было объявлено о национализации различных отраслей горной промышленности, металлургической и т. д.

В первой половине 1918 г. Советской власти удалось „... сломить хозяйственную мощь буржуазии, сосредоточить в своих руках командные высоты народного хозяйства (фабрики, заводы, банки, железные дороги, внешнюю торговлю, торговый флот и т. п.), сломать буржуазный аппарат государственной власти и победоносно ликвидировать первые попытки контрреволюции свергнуть Советскую власть“ [17, стр. 210].

Только при Советской власти, в условиях социализма, перед горной промышленностью, свободной от частнокапиталистических пут и влияния хищнического иностранного капитала, открылись широчайшие перспективы развития. Горная промышленность сыграла свою роль в создании социалистической индустрии, в укреплении экономической и оборонной мощи нашей Родины, в победе над фашистскими полчищами в годы второй мировой войны.

Заключение

Преимущества социалистической системы хозяйства со всей силой сказались в годы Великой Отечественной войны, когда поставленные перед горной промышленностью задачи в области снабжения Советской Армии необходимыми материалами и различных отраслей народного хозяйства сырьем и топливом были блестяще разрешены благодаря дальновидной и мудрой политике нашей партии и Советского правительства, своевременно позаботившихся о создании новых горно-промышленных районов на Востоке.

Значение горной промышленности и металлургии в военной экономике подчеркнуто в речи товарища Сталина на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа Москвы 9 февраля 1946 г., когда он говорил о материальных предпосылках современного вооружения и снабжения Советской Армии: „ для этого необходимо было иметь и притом в достаточном количестве такие элементарные вещи, как: **металл** — для производства вооружения, снаряжения, оборудования для предприятий; **топливо** — для поддержания работы предприятий и транспорта; **хлопок** — для производства обмундирования; **хлеб** — для снабжения армии“ [46].

За годы сталинских пятилеток была проделана гигантская работа по техническому перевооружению горной промышленности, развернуто в широких масштабах шахтное строительство и введено в действие большое количество новых шахт. Увеличение добычи угля в военное время оказалось возможным благодаря большим резервам мощности, которыми к началу войны располагали угольные шахты восточных бассейнов.

Новое шахтное строительство осуществлялось в Кузнецком, Карагандинском бассейнах, в Средней Азии, в Подмосковном бассейне.

В годы Отечественной войны значительно увеличилось количество машин и механизмов на шахтах Урала, Кузбасса, Караганды, Подмосковного бассейна, а также на угольных разрезах восточных районов. Так, количество врубовых машин увеличилось на 25—30%, отбойных молотков на 80% [47]. Интенсивно внедрялись на угольных шахтах электровозы и конвейеры.

В военное время были освоены высокопроизводительные породопогрузочные машины, ускорившие темпы прохождения горных выработок, введены в эксплуатацию угольные комбайны, новый тип буросбоечной машины для прохождения сбоек на мощных крутопадающих пластах и многие другие виды машин и механизмов. Строительство новых заводов горного машиностроения в центральных и восточных районах страны облегчило возможность насыщения угольной промышленности передовой техникой и в достаточном объеме. Аналогичные процессы шли и в других отраслях горной промышленности.

Славный путь развития советской горной промышленности можно проиллюстрировать некоторыми фактами, относящимися к ведущей ее отрасли — угольной промышленности.

Механизация всех основных процессов производства в угольной промышленности завершена. Грандиозны масштабы перевооружения угольной промышленности, доступные только нашей социалистической Родине.

Как известно, за последние несколько лет ежегодный прирост добычи угля равен в среднем 24 млн. т. Угольная промышленность СССР

теперь не только удовлетворяет потребности нашей страны, но и обеспечила создание необходимых резервов.

На шахтах Донбасса добыча угля во всех лавах, переведенных на работу по графику один цикл в сутки, возросла на 39%, а производительность труда рабочих по лаве на выход — более чем на 20%. Несмотря на то, что заработная плата шахтеров неуклонно растет и ежемесячно миллионы рублей выплачиваются в качестве премий за выполнение норматива цикличности, себестоимость тонны угля снизилась почти на 6 руб. [48].

„В отличие от капиталистических стран, — говорил товарищ Берия, — где шахтеры — наиболее забитые и обездоленные люди, в Советском государстве шахтеры окружены вниманием и почётом. Рабочие угольной промышленности занимают по заработной плате первое место среди рабочих других отраслей“ [49].

В сентябре 1947 г. Президиум Верховного Совета СССР издал указы об учреждении медали „За восстановление угольных шахт Донбасса“, об установлении ежегодного всенародного праздника „День шахтера“, о награждении работников угольной промышленности орденами и медалями за выслугу лет и безупречную работу и о введении персональных званий для руководящих и инженерно-технических работников. Одновременно постановлением правительства установлены преимущества и льготы для рабочих и шахтеров и шахтостроителей, инженерно-технических и руководящих работников, в частности, ежегодное единовременное вознаграждение за выслугу лет, введена форменная одежда и знаки различия.

Только за последние два года работники угольной промышленности получили от государства за выслугу лет более двух миллиардов рублей. Эти указы Президиума Верховного Совета СССР и постановления правительства — яркое проявление великой заботы Советского правительства, коммунистической партии и лично товарища Сталина о работниках социалистической горной промышленности.

Первостепенное значение придается дальнейшему улучшению жилищно-бытовых условий горняков. Ежегодно вводится около двух миллионов квадратных метров жилой площади [50]. Построены и строятся также дворцы культуры, больницы, клубы, школы и другие объекты.

Выполняя указания И. В. Сталина, Советское государство расходует ежегодно большие средства на охрану труда шахтеров, осуществляет мероприятия по созданию безопасных условий работы на угольных шахтах и карьерах.

Самоотверженный труд работников всех отраслей горной промышленности и металлургии служит залогом выполнения задач, поставленных перед ними товарищем Сталиным, в деле построения материальной базы коммунистического общества.

Поступило 2/XI 1951 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Общий обзор главных отраслей горной и горнозаводской промышленности. Особое приложение к смете Горного департамента на 1916 г.
2. Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), ф. № 37, ОП. № 65, д. № 1761, 1915, л. 15.
3. ЦГИАЛ, ф. № 37, ОП. № 65, д. № 1761, 1915, л. 21.
4. Война и топливо 1914—1917 гг., 1930.
5. ЦГИАЛ, ф. № 37, ОП. № 67, д. № 746, 1916, л. 14.
6. ЦГИАЛ, ф. № 37, ОП. № 72, д. № 82, 1915, л. 2. ЦГИАЛ, ф. № 37, ОП. № 65 № 1928, 1917, л. 7.

7. „Промышленность и торговля“, 1917, № 14—15 стр. 280.
 8. ЦГИАЛ, ф. № 560, ОП. № 26, д. № 1318, 1916, л. 33—34.
 9. ЦГИАЛ, ф. № 560, ОП. № 26, д. № 1318, 1916, л. 35.
 10. ЦГИАЛ, ф. № 37, ОП. № 67, д. № 746, 1916, л. 29, 30.
 11. ЦГИАЛ, ф. № 37, ОП. № 77, д. № 267, 1915.
 12. ЦГИАЛ, ф. № 37, ОП. № 5, д. № 2105, 1917.
 13. ЦГИАЛ, ф. № 37, ОП. № 67, д. № 746, 1916.
 14. Большая советская энциклопедия, т. 25, стр. 70 и т. 61, стр. 261.
 15. ЦГИАЛ, ф. № 37, ОП. № 77, д. № 267, 1916.
 16. ЦГИАЛ, ф. № 560, ОП. № 26, д. 1330, 1916, л. 75.
 17. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков), Краткий курс.
 18. Ленин В. И., Соч., т. 22, изд. 4.
 19. ЦГИАЛ, ф. № 1276, ОП. № 10, д. № 835, 1914.
 20. ЦГИАЛ, ф. № 37, ОП. № 65, д. № 1761, 1915, л. 44—46.
 21. „Статистический ежегодник“, 1914, стр. 181.
 22. Хромов П. А., Экономическое развитие России в XIX—XX вв. 1950.
 23. ЦГИАЛ, ф. № 37, ОП. № 77, д. № 282, 1915, л. 56.
 24. ЦГИАЛ, ф. № 23, ОП. № 1, д. № 402, 1916, л. 1.
 25. Стенографический отчет заседания экономического совета при Временном правительстве, № 3, 24 июля 1917, стр. 25.
 26. Оль П., Иностранные капиталы в России, 1922.
 27. Ляшенко П., История народного хозяйства СССР, II, 1952, стр. 382.
 28. ЦГИАЛ, ф. № 37, ОП. № 65, д. № 1975, 1917, л. 3.
 29. ЦГИАЛ, ф. № 1276, ОП. № 11, д. № 1115, 1915, л. 6.
 30. ЦГИАЛ, ф. № 1276, ОП. № 11, д. № 1145, 1915.
 31. ЦГИАЛ, ф. № 37, ОП. № 67, д. № 592, 1914, л. 5, 1916, 20.
 32. ЦГИАЛ, ф. № 37, ОП. № 67, д. № 642, 1914, л. 15.
 33. ЦГИАЛ, ф. № 37, ОП. № 67, д. № 618, 1914, л. 17. 1916, л. 99.
 34. ЦГИАЛ, ф. № 37, ОП. № 67, д. № 653, 1914, л. 7.
 35. Экономический бюллетень Конъюнктурного института, 1927, 10.
 36. Труды II Всероссийского съезда деятелей по горному делу, машиностроению и металлургии, 1913.
 37. Ляшенко И. И. Очерки по гигиене труда горнорабочих каменноугольной промышленности, 1926, стр. 94.
 38. ЦГИАЛ, ф. № 560, ОП. № 26, д. № 1318, 1915.
 39. Большая советская энциклопедия, т. 44, стр. 662.
 40. ЦГИАЛ, ф. № 1376, ОП. № 11, д. № 961, 1915, л. 27, 28.
 41. Сталин И. В., Соч., т. 3.
 42. Ленин В. И., Соч., т. 24, изд. 4.
 43. Ленин В. И., Соч., т. 25, изд. 4.
 44. „Горнозаводское дело“, 1917, № 40—42, стр. 16425.
 45. Экономическая политика СССР, т. I, 1947.
 46. Сталин И. В., Речь на предвыборном собрании избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 г., Госполитиздат, 1950, стр. 16.
 47. Зворыкин А. А., Очерки по истории горной техники, изд. АН СССР, 1950, стр. 42.
 48. „Уголь“, 1951, № 11, стр. 1—2.
 49. Берия Л. П., Доклад на торжественном заседании Московского Совета 6 ноября 1951 г.
 50. „Уголь“, 1951 г., № 6, стр. 1.
 51. Сталин И. В., Экономические проблемы социализма в СССР, 1952, стр. 38.
 52. Белов П. А., Вопросы экономики в современной войне, 1951, стр. 97.
-